

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)**

на тему «Хищение: понятие, признаки и формы, особенности предупреждения»

Студент

А.И. Вагапова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.М. Корнуков

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Актуальность заключается в том, что несмотря на то, что закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации составы некоторых видов хищений не вызывают у правоохранительных органов трудности в квалификации, тем не менее, можно обозначить ряд дискуссионных вопросов как теоретического, так и практического характера.

Цель выпускной квалификационной работы – провести комплексное исследование правовой регламентации хищения как одного из противоправных деяний, выявить её позитивные и негативные стороны, сформулировать предложения по совершенствованию.

Задачи исследования: рассмотреть понятие и сущность хищений; проанализировать признаки хищения; выявить особенности общесоциальных мер предупреждения хищений; исследовать составы ненасильственных формы хищения, в числе которых – кража, грабеж без насилия, присвоение, растрата и мошенничество; исследовать ненасильственные формы хищений: разбой, вымогательство и грабеж, соединенный с насилием.

Объект исследования - общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой охраны собственности. Предмет исследования - нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующие уголовную ответственность за хищения чужого имущества.

Теоретическая база исследования - труды следующих ученых: А.Г. Безверхова, А.И. Бойцова, Г.Н. Борзенкова, Л.Г. Гаухмана, Г.А. Кригер, Н.А. Лопашенко, А.П. Севрюкова, А.Б. Хабарова, В.В. Хилюта, П.С. Яни и др.

Структура выпускной квалификационной работы predetermined целью и задачами исследования и включает – введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика хищения	9
1.1 Понятие и сущность хищения	9
1.2 Признаки хищения	18
1.3 Общесоциальные меры предупреждения хищений	26
Глава 2 Ненасильственные формы хищения	33
2.1 Кража, грабеж без насилия	33
2.2 Присвоение, растрата	40
2.3 Мошенничество	47
Глава 3 Насильственные формы хищения	58
3.1 Разбой	58
3.2 Вымогательство	64
3.3 Грабеж, соединенный с насилием	68
Заключение	77
Список используемой литературы и используемых источников	82

Введение

Собственность всегда была и является экономической основой функционирования любого общества. Это предполагает необходимость ее охраны от различного рода посягательств, среди которых особое место занимают хищения.

Если обратиться к данным официальной статистики, то на протяжении длительного времени половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества (52,3% в 2017 году [94], 51,7 % в 2018 году [95], 53,5 % в 2019 году [93] и в январе 2020 года – 50,3% [92]). Самыми распространенными хищениями являются кража (788,5 тыс. в 2017 году, 756,4 тыс. в 2018 году, 774,2 тыс. в 2019 году и в январе 2020 года – 54,0 тыс.), мошенничество (222,8 тыс. в 2017 году, 215,5 тыс. в 2018 году, 257,2 тыс. в 2019 году и в январе 2020 году – 22,2 тыс.), грабеж (56,9 тыс. в 2017 году, 50,1 тыс. в 2018 году, 45,8 тыс. в 2019 году и в январе 2020 году – 3,5 тыс.), разбой (9,1 тыс. в 2017 году, 7,5 тыс. в 2018 году, 6,7 тыс. в 2019 году и в январе 2020 году – 415) [94; 95; 93; 92].

Наблюдаемая тенденция незначительно роста-уменьшения количества совершаемых хищений при всем при этом свидетельствует об их широком распространении и стабильно-устойчивом месте в общей структуре преступности.

Однако, несмотря на то, что закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации составы некоторых видов хищений не вызывают у правоохранительных органов трудности в квалификации, тем не менее, можно обозначить ряд дискуссионных вопросов как теоретического, так и практического характера.

Во-первых, несмотря на то, что законодатель сформулировал легальное определение хищения, в доктрине не утихают споры по данному вопросу.

Во-вторых, одним из важных признаков, отграничивающим кражу от других форм хищения, является способ изъятия имущества. При этом, признак

тайности как способ совершения кражи не имеет легального определения и не раскрыт в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что вызывает дискуссии в доктрине и сложности при квалификации на практике. Кроме того, много вопросов на практике возникает при квалификации кражи и грабежа, а также установление наличия у преступника цели хищения.

В-третьих, современная действительность отличается постоянно меняющимися способами совершения некоторых видов хищений, что обуславливает постоянное внесение необходимых изменений в действующее уголовное законодательство, что сказывается на правоприменительной практике и является прямым отражением их раскрываемости.

Так, постоянно растущее количество способов совершения мошенничества и их криминализация в Уголовном кодексе Российской Федерации, не устраняет многие старые проблемы, не решенные по сей день. Прежде всего, это проблема соотношения обмана и злоупотребления доверием как способов совершения мошенничества, которые не имеют легального определения. Зачастую, как следственные органы, так и суды, не различая данные понятия, на практике инкриминируют оба названных способа совершения мошенничества. В доктрине уголовного права также отсутствует единство мнений по вопросу о соотношении обмана и злоупотребления доверием. По мнению некоторых ученых, злоупотребление доверием полностью охватывается обманом, тогда как большая часть исследователей отстаивают мнение о самостоятельности такого способа совершения мошенничества, как злоупотребление доверием.

Не вносит особой ясности на практике и содержащийся в примечании к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации такой признак как причинение значительного ущерба гражданину, который, по мнению некоторых ученых, нарушает конституционный принцип равной защиты любой собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации), в том числе и независимо от размера причиненного ущерба.

Много проблем на практике связано с избыточной криминализацией некоторых видов мошенничества, что вызывает проблемы конкуренции уголовно-правовых норм, закрепляющих различные виды мошенничества, а также как с разграничением основного состава мошенничества и специальных видов мошенничества, так и с квалификацией основного состава мошенничества по совокупности с другими преступлениями. Сложной является и проблема разграничения основного состава мошенничества от гражданско-правовых деликтов.

В-четвертых, существующая правоприменительная практика выявляет многочисленные законодательные недоработки и пробелы в части недостаточной дифференциации уголовной ответственности за грабеж, что в совокупности с другими проблемами является причиной неэффективного выполнения задач, направленных на предупреждение данных преступлений. Кроме того, не все ученые соглашались с доктринальным оборотом такого понятия, как «насилованный грабеж». Разногласия вызывает в науке и такой признак грабежа, как «открытость». Исследователи считают неприемлемым давать уголовно-правовую оценку на основе субъективных подходов, отражающих предположения о намерениях грабителя, что на практике сложно доказуемо.

В-пятых, несмотря на наблюдающуюся тенденцию снижения количества разбойных нападений, наблюдается обратная тенденция снижения раскрываемости данных видов преступлений. Одной из причин которой является несовершенство законодательной конструкции разбоя как самостоятельного состава преступления и вызывающего в правоприменительной практике множество споров.

Так, в доктрине ставится под сомнение отнесения разбоя к хищениям. Проблемы при квалификации разбоя создают различные характеристики такого обязательного его признака, как насилие, не имеющий однозначного ни доктринального, ни практического толкования, что дает правоприменителю широкие возможности для личного усмотрения и как следствие сложности при

квалификации. Неоднозначно решается в судебной практике и вопрос о том, что следует понимать под применением оружия, или предметов, используемых в качестве оружия. Без внимания остался данный вопрос и в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», который ограничился лишь перечислением ситуаций, при которых данный квалифицирующий признак отсутствует.

В-шестых, постоянно находятся в центре внимания, как научной общественности, так и правоприменительной практики проблемы квалификации, связанные с отграничением хищений от смежных составов преступлений. Нечеткое разграничение смежных с хищениями составов преступлений является причиной многочисленных судебных ошибок. Наибольшее количество разногласий наблюдается относительно конструкции составов разбоя и грабежа, которые, по мнению отдельных авторов, являются дублирующими.

Таким образом, несмотря на существенную степень изученности хищений, при квалификации правоприменитель продолжает сталкиваться с различными проблемами, требующими серьезного теоретического обоснования и выработки мер, способствующих верной квалификации. В связи с чем, тема настоящей выпускной квалификационной работы «Хищение: понятие, признаки и формы, особенности предупреждения» актуальна и важна, как в теоретико-правовом, так и в правоприменительном аспектах.

Цель настоящей выпускной квалификационной работы – провести комплексное исследование правовой регламентации хищения как одного из противоправных деяний, состав которого предусмотрен положениями уголовного кодекса РФ, выявить её позитивные и негативные стороны, сформулировать предложения по совершенствованию.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и сущность хищений;
- проанализировать признаки хищения;

- выявить особенности общесоциальных мер предупреждения хищений;
- исследовать составы ненасильственных формы хищения, в числе которых – кража, грабеж без насилия, присвоение, растрата и мошенничество;
- исследовать ненасильственные формы хищений: разбой, вымогательство и грабеж, соединенный с насилием.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой охраны собственности.

Предметом исследования являются нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующие уголовную ответственность за хищения чужого имущества.

Теоретической базой исследования являются труды следующих ученых: А.Г. Безверхова, А.И. Бойцова, Г.Н. Борзенкова, Л.Г. Гаухмана, Г.А. Кригер, Н.А. Лопашенко, А.П. Севрюкова, А.Б. Хабарова, В.В. Хилюта, П.С. Яни и др.

Структура выпускной квалификационной работы predetermined целью и задачами исследования и включает – введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика хищения

1.1 Понятие и сущность хищения

Понятие «хищение» является «продуктом длительного исторического развития» [18, с. 102], легальной формулировке которого предшествовало формирование и закрепление самостоятельных видов хищений. В процессе развития уголовной ответственности за преступные посягательства на чужое имущество посредством различных способов происходит выделение отдельных видов хищений, что в дальнейшем выявило потребность в их систематизации и вычленении общих для всех признаков, которые обобщились в соответствующем понятии. В целом же, в настоящее время, понятие хищение является собирательным, так как объединяет в себе все признаки, характерные практически для всех видов хищений.

Первое упоминание слова «хищение» можно встретить только в первых декретах советской власти [33, ст.2]. До этого времени, рассматривая категория, больше имела доктринальное значение. Наиболее полно формы хищения были раскрыты в Указе Президиума Верховного Совета СССР 1947 «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [104], к которым относились кража, присвоение, растрата и иные виды хищений. Как можно заметить, названный Указ имел открытый перечень форм хищения. Главным было то, что предметом хищения являлось государственное, колхозное, кооперативное и иное общественное имущество.

В советской доктрине предпринимаются первые попытки разработки обобщенного понятия хищения, которое бы включило в себя признаки, характерные для всех видов хищений.

Так, первый кто, сформулировал общее определение хищения, был А.А. Пионтковский, который хищение государственного или общественного имущества понимал как «умышленное незаконное обращение кем-либо

государственного, колхозного или иного общественного имущества в свою собственность» [48, с. 307]. Другие ученые также определяли хищение применительно к государственной или общественной собственности [99, с.61].

Более развернутое определение хищения дал А.И. Санталов, указав в нем и на формы хищения - «незаконное безвозмездное обращение с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или передачу его с той же целью третьим лицам, которое совершается путем кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением и мошенничества» [47, с. 350]. Более того, ученый предложил разработать обобщенное понятие хищения применительно как к государственной или общественной собственности, так и к личной собственности граждан [47, с. 346].

Однако, что касается понятия хищения относительно личной собственности, то, например, И.Г. Филяновский считал, что если такое общее понятие отсутствует в законе, то и не стоит его вводить в научный оборот вопреки терминологии законодателя [18, с. 104].

Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ в УК РСФСР 1960 г. [103] были в одну главы объединены преступления против социалистической собственности и преступления против личной собственности, что позволило законодателю вывести обобщенное определение хищения. Таким образом, впервые понятие хищения было включено в УК РСФСР 1960 г. путем дополнения его в 1994 г. примечание к ст. 144 следующего содержания: «В статьях 144 - 147.2 под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

В ныне действующем Уголовному кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [102] хищения понимаются как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб

собственнику или иному владельцу этого имущества». Данное законодательное понятие является родовым понятием для ряда имущественных преступлений. Кроме того, данное понятие распространяется не только на статьи УК РФ, но фактически используется и для составов мелкого хищения в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [40].

При всем при том, что в настоящее время наличествует легальное определение хищения, в науке не прекращаются попытки сформулировать его доктринальное определение. Все ученые, вырабатывают свои авторские определения хищения посредством выделения разных признаков, которых насчитывается зачастую от двух до девяти [26, с. 11].

К примеру, С.Ф. Милюков предлагает под хищениями понимать «общественно опасное противоправное изъятие чужого имущества с целью распорядиться им как собственным либо обращение такового имущества в пользу виновного или других лиц» [56, с. 232].

По мнению А.В. Голиковой под хищением правильнее понимать «противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом, сопряженное с его изъятием из владения собственника или иного владельца, причинившее ущерб, совершенное с целью распоряжения им по усмотрению виновного» [29, с. 42].

Н.С. Третьякова считает, что хищение представляет собой «завладение или действия, направленные на завладение чужим движимым имуществом, совершенные с корыстной целью» [87, с. 245].

Г.В. Журавлева и Н.А. Карпова предлагают реформировать легальное определение хищения, по примеру белорусского законодателя, предусмотрев в нем его формы [35, с. 62].

Л.Д. Гаухман и М.П. Журавлев в качестве недостатка легального определения хищения указывают на такой его признак, как противоправность. Ученые полагают, что указанный признак делает определение хищения усеченным, не позволяющий как хищение квалифицировать действия лиц,

злоупотребляющих своим служебным положением и направленные на изъятие и (или) обращение государственного имущества в свою пользу или других лиц, причинив ущерб государству. Все это, по мнению Л.Д. Гаухмана и М.П. Журавлева оставляет подобные хищения, имеющие место быть, безнаказанными. Не решает данную проблему и введение в УК РФ различных видов мошенничеств (ст.ст. 159-159.6 УК РФ) и состава присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) [26, с. 12], с чем не согласна Н.А. Лопашенко, считая такое решение законодателя справедливым, так как «у должностного лица отсутствует свой специфический способ хищения» [53, с. 148].

Однако, Л.Д. Гаухман и М.П. Журавлев полагают, что хищение государственного имущества должностным лицом с использованием своего служебного положения является самостоятельной формой хищения, которая может осуществляться вне форм мошенничества и присвоения или растраты. Важно также отметить, все таки некоторую разницу между государственной и частной собственностью, на которые посягают должностные лица, используя свое служебное положение. В данном случае не только нарушаются интересы собственника, которым является государство, но и подрывает авторитет государственной власти. Поэтому для повышения эффективности уголовно-правовых средств борьбы с хищениями в виду особенности государственной собственности как предмета преступных посягательств, необходимо УК РФ дополнить еще одной формой хищения, как хищение чужого имущества путем злоупотребления служебным положением [26, с. 63]. Кроме того авторы предлагают новую формулировку хищения посредством расширения ее за счет перечисления форм хищения, куда в числе ныне закрепленных форм хищения, входит и хищение, совершенное путем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением [26, с. 64].

Однако, большинство ученых приветствуют легальное определение хищения, считая, что данное определение «имеет не только теоретическое, но и принципиально важное практическое значение, способствуя отграничению хищений от других преступлений, посягающих на собственность и

совпадающих с ним по тем или иным признакам состава, а стало быть, являясь необходимой основой для правильной квалификации этих посягательств и в конечном счете – назначению справедливого наказания лицам, их совершивших» [18, с. 105].

Исходя из легального определения хищения, можно выделить следующие его признаки: корыстная цель; противоправность; безвозмездность; изъятие и (ли) обращение в пользу виновного или других лиц; чужое имущество; причинение ущерба собственнику имущества или иному его владельцу.

Данные признаки можно сгруппировать относительно того, какую сторону состава хищения они образуют.

Как известно из теории уголовного права основанием уголовной ответственности является состав преступления, представляющий собой «совокупность или систему объективных и субъективных признаков, характеризующих по уголовному закону общественно опасное деяние в качестве преступления» [25, с. 32]. Из перечисленных выше признаков, характеризующих хищения, к объективным относятся: чужое имущество (характеризует предмет хищения), противоправность, безвозмездность, изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц, причинение ущерба (характеризуют объективную сторону состава хищений). Субъективная сторона всех хищений характеризуется корыстной целью.

Наиболее подробной в данной части исследования следует остановиться на рассмотрении такого признака всех хищений, как предмет преступных посягательств, которым является чужое имущество.

Понятие «имущество» является гражданско-правовой категорией, под которой в одних случаях понимают совокупность вещей, и прав на них, а в других личное имущество (актив имущества в виде вещей и имущественных прав) [113, с. 126]. М.А. Рожкова уточняет, что понятие «имущество» «охватывает все то, что обладает экономической ценностью (имеет объективную ценность) для участников гражданского оборота и допускает

передачу (переход) от одного лица к другому». В таком понимании под категорию имущества подпадают любые «объекты, обладающие экономической ценностью для участников гражданского оборота и допускающие передачу этих объектов от одного лица к другому (вещи, результаты работ, оказание услуг, имущественные права, включая исключительные)» [84, с. 6].

Исходя из содержания ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [32] категория «имущество» включает: вещи, документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права. При этом, законодатель указывает, что перечисленные в статье лага не исчерпывают понятие имущества. Более того, с 1 октября 2019 г. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ ст. 128 ГК РФ изложена в новой редакции. К объектам гражданских прав, в соответствии с данной редакцией нормы, относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказания услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Кроме того, законодатель уточнил соотношение понятий «имущественные права», которые являются родовой категорией для таких понятий, как «безналичные денежные средства» и «бездокументарные ценные бумаги».

В доктрине уголовного права при рассмотрении имущества как предмета хищения выделяют такие его характерные признаки, как физическая, экономическая и юридическая сторона [18, с. 110].

Имущество с физической стороны, как предмет хищения, по словам А.И. Бойцова, должно быть вещественным предметом, доступным чувственному восприятию человека [18, с. 110]. Иными словами, предмет хищения является осязаемым предметом, «который можно взять руками,

захватить» [107, с. 162] и имеет определенные физические параметры: количество, вес, объем и т.д., то есть, вещные свойства. Нематериальные объекты и явления не могут являться предметом хищения (например, различного вида энергия). Из такого понимания имущества как предмета хищения, Н.А. Лопашенко делает справедливый вывод о том, что имущество толкуется уже, чем в гражданском законодательстве и включает только движимое и недвижимое имущество [51, с. 32].

При этом, следует отметить, что в науке поднимается вопрос о том, что недвижимое имущество не может являться предметом некоторых форм хищения (кражи, грабежа и разбоя), в которых не предусмотрена ответственность за завладение имуществом и правом на имущество. Связано это с тем, что переход недвижимого имущества из собственности владельца во владение, пользование либо распоряжение виновного может быть осуществим лишь в том случае, когда лицо завладевает правом на данное имущество.

Таким образом, следует согласиться с Н.В. Краслянской в том, что по данному вопросу имеется пробел в уголовном праве [42, с. 32]. Для разрешения обозначенной проблемы целесообразно внести соответствующие изменения в диспозиции ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 161 и ч. 1 ст. 162 УК РФ и указать в них на тот факт, что предметом кражи, грабежа и разбоя могут являться исключительно движимое имущество. С этой целью представляется возможным изложить, к примеру, ч. 1 ст. 158 УК РФ в следующей редакции:

«1. Кража, то есть тайное хищение чужого движимого имущества...».

Представляется, что именно такая формулировка диспозиций статей, предусматривающих ответственность за кражу, грабеж и разбой будет более правильной.

Таким образом, предметом преступлений в виде кражи, грабежа и разбоя может быть только то имущество, которое человек в состоянии унести или увезти на каком-либо транспорте, что отличает его, например, от мошенничества [27, с. 94] или присвоения чужого имущества [31, с. 42], где предметом преступления может быть иное имущество [54, с. 64].

Второй признак выражается в том, что похищаемое должно обязательно обладать определенной экономической ценностью (стоимостью). При этом следует различать потребительскую и меновую стоимость имущества. Потребительская стоимость представляет собой способность вещи удовлетворять те или иные потребности человека. Поэтому, к примеру, предметы, которые утратили хозяйственную ценность, выброшены собственником за ненадобностью – не являются предметом хищения. Меновая стоимость имущества характеризует его как предмет гражданского оборота, т.к. только вещи, имеющие цену, могут быть похищаемы, т.е. являются предметом хищения [107, с. 163].

Юридический признак чужого имущества проявляется в двух аспектах. Во-первых, имущество должно быть чужим для похитителя, т.е. он не имеет никаких, даже предполагаемых прав на него. Во-вторых, предметом преступлений против собственности в смысле главы 21 УК РФ, может быть только имущество, являющееся объектом вещного права и находящееся в свободном гражданском обороте.

Следует заметить, что именно имущество, являющееся предметом хищений, является тем обстоятельством, которое определяет степень вредоносности конкретного преступления. Все это является основанием для дифференциации хищений на отдельные виды в зависимости от ценности похищенного имущества. Так выделяют такие виды хищений, как:

- - мелкое хищение (стоимость похищенного не превышает одной тысячи рублей (ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ) и ст. 158.1 УК РФ);
- - хищения в значительном размере (не менее пяти тысяч рублей (п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ) и не менее десяти тысяч рублей (ч. 5 ст. 159 УК РФ);
- - хищения в крупном размере (свыше двухсот пятидесяти тысяч рублей (п. «в» ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 160, п. «д» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 162, п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ) и

свыше трех миллионов рублей (ч. 6 и 7 ст. 159) свыше полутора миллионов рублей (ст. 159.1 и 159.5 УК РФ);

- хищения в особо крупном размере (свыше одного миллиона рублей (п. «б» ч. 4 ст. 158, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 4 ст. 159.6, ч. 4 ст. 160, п. «б» ч. 3 ст. 161, п. «б» ч. 3 ст. 162, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ) и свыше двенадцати миллионов рублей (ч. 6 и 7 ст. 159), свыше шести миллионов (ст. 159.1, ст. 159.5 УК РФ).

В зависимости от способа изъятия имущества, т.е. признака, характеризующего объективную сторону хищений, в науке уголовного права выделяют формы хищений, т.е. «те юридически значимые способы (приемы), посредством которых изымается имущество» [18, с. 302]. В УК РФ каждая форма хищений предусмотрена в самостоятельной статье. Так, к формам хищений относятся:

- кража, т.е. тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ);
- грабеж, т.е. открытое хищение чужого имущества (ст. 161 УК РФ);
- разбой – хищение, которое совершается с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ст. 162 УК РФ);
- мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст.ст. 159 – 159.6 УК РФ);
- хищение вверенного виновному чужого имущества путем присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ).

Следует заметить, что вымогательство, по мнению некоторых ученых, не относится к хищениям. К примеру, по мнению А.И. Бойцова, вымогательство является корыстным преступлением против собственности, которое не содержит признаков хищения [18, с. 683].

Таким образом, придерживаясь той позиции, что легальное определение хищения имеет как теоретическое, так и практическое значение, способствует отграничению хищений от других преступных посягательств на собственность

и является необходимой основой для правильной квалификации этих посягательств.

Все хищения характеризуются рядом общих субъективных и объективных признаков. Имущество как предмет хищения характеризуется такими признаками, как физическая, экономическая и юридическая сторона. При этом, имущество, являющееся предметом хищений, является тем обстоятельством, которое определяет степень вредоносности конкретного преступления. Все это является основанием для дифференциации хищений на отдельные виды в зависимости от ценности похищенного имущества.

В зависимости от способа изъятия имущества, т.е. признака, характеризующего объективную сторону хищений, в науке уголовного права выделяют формы хищений.

1.2 Признаки хищения

В предыдущей части настоящей выпускной квалификационной работе было установлено, что легальное определение хищения включает признаки, характеризующие все формы хищения: объект, предмет, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Отдельные формы хищения содержат дополнительные признаки, указанные в конкретной статье УК РФ.

Уголовная ответственность за хищения чужого имущества предусмотрена в главе 21 «Преступления против собственности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики». Из чего следует, что родовым объектом хищений являются общественные отношения в сфере экономики, т.е. «совокупность отношений, возникающих по поводу производства, распределения по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, обеспечивающих адекватное существование, функционирование и развитие экономики РФ как целостного хозяйственного комплекса» [101, с. 187].

Видовой объект рассматриваемых преступлений - собственность, т.е. общественные отношения, складывающиеся по поводу имущества и имеющие юридическое выражение в виде правомочий владения, пользования и распоряжения данным имуществом [18, с. 106].

Непосредственным объектом хищения являются конкретные отношения собственности. Как известно, защита всех форм собственности имеет конституционно-правовую регламентацию, что провозглашено в ст. 8 Конституции РФ. В соответствии с нормами действующего гражданского законодательства правомочиями владения, пользования и распоряжения имуществом принадлежит его собственнику. Противоправное замещение собственника образует состав уголовного преступления.

Следует заметить, что в науке уголовного права не все ученые согласны с тем, что объектом хищения является собственность, поскольку, по словам А.Г. Безверхова и И.А. Клепицкого, без надлежащей уголовно-правовой охраны остаются иные имущественные отношения [15, с. 26; 39, с. 77; 12, с. 14]. В связи с чем, сторонники данного подхода предлагают на уровне УК РФ закрепить возможность уголовно-правовой охраны имущественных отношений, что позволит равным образом охранять права не только собственников, но и других лиц, имеющих соответствующее право на данное имущество. Более того, в рассмотренном выше легальном определении хищения законодатель указал на такой признак, как причинение вреда не только собственнику имущества, но и иному владельцу похищенного имущества.

Важно также заметить, на что справедливо обращает внимание Н.А. Лопашенко предметом хищения не может право собственности, а только «чужое имущество, являющееся выражением экономического содержания собственности» [50, с. 14].

Как уже отмечалось выше, признаком объективной стороны хищений, является противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества. Иными словами, объективная сторона хищения – это всегда активные действия,

направленные на изъятие чужого имущества, которое должно сохранить свою ценность, что отличает хищение, к примеру, от хулиганства (ст. 213 УК РФ) или вандализма (ст. 214 УК РФ), которые также направлены на чужое имущество, но предполагают не его присвоение, нанесение вреда данному имуществу [88, с. 260].

Для квалификации разных форм хищения, необходимо учитывать признаки их объективной стороны.

К примеру, процесс завладения чужим имуществом в случае кражи характеризуется как тайный (ст. 158 УК РФ), в случае грабежа – открытый (ст. 161 УК РФ), при разбое – нападение с применением насилия опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия (ст. 162 УК РФ), при мошенничестве – обман и злоупотребление доверием – являются способами завладения чужим имуществом (ст.ст. 159-159.6 УК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – Постановление № 29) [65] в п. 2 сформулировано понятие кражи, а в п. 3 - понятие открытого хищения чужого имущества, т.е. грабежа.

Понятие обмана и злоупотребления доверием как способа совершения хищений в форме мошенничества, а также присвоения и растраты сформулированы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление № 48) [66].

Некоторые хищения являются преступлениями с материальным составом, момент окончания которых связан с причинением ущерба. Однако в некоторых случаях на практике возникают споры, если преступник, похитив чужое имущество, не успел им распорядиться.

Объективная сторона разбоя заключается в нападении с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения. Именно нападение является центральным признаком разбоя. Поэтому, момент окончания разбоя определен в п. 6 Постановления № 29, моментом

применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия.

Однако в доктрине мнения ученых разделились. К примеру, В.А. Владимиров считает правильным момент окончания разбоя признать момент причинения ущерба личности физическим насилием [23, с. 111]. Однако, если согласиться с данной точкой зрения, то за пределами правовой оценки остается факт угрозы при разбое, то есть психическое насилие. В связи с изложенным, говорить о покушении при разбое в настоящей редакции ст. 162 УК РФ невозможно.

Следующим признаком хищения является субъективная сторона, которая характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью.

Определение прямого умысла содержится в ст. 25 УК РФ, из которой следует, что прямой умысел представляет собой совокупность следующих признаков: осознание виновным общественной опасности совершаемого им деяния, т.е. лицо отдает отчет в том, что совершает; предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий своих действий; виновный желает наступления общественно опасных последствий [81, с. 32].

Важным признаком субъективной стороны хищений, является корыстная цель.

Как на практике [2], так и в доктрине [30, с. 21-22], встречаются случаи необоснованного отождествления корыстной цели и корыстного мотива. Тогда как цель представляет собой стремление извлечь материальную выгоду для себя или другого лица либо избавиться от материальных затрат за счет чужого имущества, а мотив, который также может быть корыстным – это «побудительный стимул, источник активности человека» [25, с. 164]. Классическим примером хищения по благородным мотивам, но с корыстной целью, являются кражи, совершаемые персонажем из кинофильма «Берегись автомобиля!» Юрием Деточкиным [89, с. 107].

Но ни как не может быть корыстным мотивом, к примеру то, что М.А. похитил сотовый телефон, принадлежащий ФИО4, золотые серьги и кольцо, сумку с находившимися в ней двумя слуховыми аппаратами, а также полотенце, принадлежащие ФИО6 и ФИО5 из корыстных побуждений, поскольку совокупностью исследованных в суде доказательств установлено, что он, в момент совершения преступлений в отношении каждого из потерпевших постоянного легального источника доходов не имел, трудоустроен не был и нуждался в средствах к существованию. О корыстном мотиве подсудимого, по мнению суда, свидетельствуют и предметы хищения, в том числе сотовый телефон, золотые украшения, потребительские свойства которых позволяют быстро реализовать их, получив доходы [76]. Речь в данном случае следует вести о корыстной цели.

Также и по другому делу суд признал Д. виновным в том, что он, около 22 часов, реализуя свой внезапно возникший преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества, преследуя корыстный мотив, через незапертую калитку незаконно проник на территорию домовладения, принадлежащего ФИО7, где сняв с оконной рамы дома стекла, незаконно проник в дом ФИО7 откуда тайно похитил жидкокристаллический телевизор с пультом дистанционного управления, гарантийные талоны и инструкцию по эксплуатации на него, DVD проигрыватель с пультом дистанционного управления, гарантийные талоны на него, чем причинил ФИО7 значительный материальный ущерб, после чего с места преступления с похищенным скрылся [68].

Наличие некорыстных мотивов, побуждающих к совершению хищения, не меняет направленности цели. В результате преступления виновный обогащается или удовлетворяет материальные потребности другого лица незаконно.

Корыстная цель налицо, если чужое имущество изымалось и (или) обращалось в пользу виновного, или в пользу других лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он заинтересован, или в

пользу соучастников виновного. Однако, по словам, В.В. Гладылина «корыстная цель отсутствует при так называемом временном позаимствовании имущества» [27, с. 75].

Однако в составе разбоя указывается не на корыстную цель совершения преступления, а на цель хищения при нападении. Представляется, что здесь указание на цель относится не столько к субъективной стороне состава преступления, сколько описывает – не совсем удачно терминологически – обстановку совершения преступления, т.е. направленность нападения на последующее хищение чужого имущества, а не на что-либо иное. Точнее, наверное, было бы определять разбой как «нападение для последующего хищения» или каким-то иным, схожим образом, избегая указания на цель совершения преступления. Соответственно, субъективная сторона данного состава преступления характеризуется, как и все иные формы хищения, прямым умыслом и корыстной целью.

Разбой можно было бы рассматривать как преступление с двумя целями: ближайшей - хищения чужого имущества и отдаленной, вытекающей из первой, - корыстной целью. Однако такой подход, во-первых, усложняет строение состава преступления и, во-вторых, связан с необходимостью уточнения того, какую форму хищения преследует совершение нападения (кражи, грабежа). Наконец, самый интуитивно понятный вариант прочтения ст. 162 УК РФ – это приравнять цель хищения к корыстной цели [52, с. 214].

Субъект хищения – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Вменяемость в действующем УК РФ определена в негативной форме – невменяемости (ст. 21 УК РФ), под которой понимается «неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) либо руководить им в силу болезненного состояния психики. Наличие невменяемости исключает вменяемость и, наоборот, отсутствие невменяемости означает, что лицо является вменяемым» [25, с. 126].

Так, С.Р.И. был признан виновным в совершении разбойного нападения на потерпевшую ФИО1 с целью хищения чужого имущества, с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия. В судебном заседании апелляционной инстанции С.Р.И. заявил, что суд необоснованно отказался от проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы, указав, что судья «уговорил» его написать заявление об отказе от проведения экспертизы.

Суд, имея сведения о наличии у С.Р.И. психических заболеваний, однако по надуманным основаниям, отказался от ее проведения, причем такой отказ не предусмотрен законом. В результате постановление суда о назначении и производстве экспертизы, признанной необходимым, не исполнено. Приговор Кошкинского районного суда Самарской области было отменено и дело направлено на новое судебное рассмотрение [6].

Как известно, в ч. 1 ст. 20 УК РФ установлен общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Однако для таких форм хищения, как кража, грабеж и разбой законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности, наступающий с 14 лет.

Как можно было заметить, возраст субъекта кражи, грабежа и разбоя снижен, что объясняется следующим: данные формы хищения довольно часто совершают несовершеннолетние; несовершеннолетнему понятна социальная опасность кражи, грабежа и разбоя; уголовная ответственность за кражу, грабеж и разбой с четырнадцатилетнего возраста является своего рода предупреждением более опасных преступлений со стороны несовершеннолетних.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что не подлежит уголовной ответственности и несовершеннолетний, который хотя к моменту совершения общественно опасного деяния не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо достиг возраста, предусмотренного ч. ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ, однако не подлежит уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с

психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Следует заметить, что хищение предметов имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ) может быть совершено в любой форме хищения (кража, грабеж, разбой). Субъектом данного состава является лицо, достигшее возраста 16 лет. Однако, если, к примеру, несовершеннолетний, не достигший возраста 16 лет, но которому уже исполнилось 14 лет, похитит в форме грабежа предметы, имеющие особую ценность, то его действия следует квалифицировать как грабеж по ст. 161 УК РФ.

А.И. Бойцов помимо общих признаков субъекта хищения выделяет такой специальный признак, как несобственник, т.е. лицо, которое не обладает никакими правомочиями в отношении похищаемого имущества [5, с. 278]. Данных лиц – несобственников можно подразделить на: лиц, которые не обладают никакими правомочиями в отношении похищаемого имущества и владеющих несобственников. В отношении субъекта хищения – таким лицом может быть только лицо, не обладающее никаким правомочием в отношении изымаемого имущества.

Таким образом, родовым объектом хищений являются общественные отношения в сфере экономики. Видовой объект рассматриваемых преступлений – собственность, а непосредственный - конкретные отношения собственности. Признаком объективной стороны хищений, является противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества. Субъективная сторона хищения характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Субъект хищения – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и не являющееся собственником похищенного имущества. При этом, для кражи, грабежа и разбоя законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности, наступающий с 14 лет.

1.3 Общесоциальные меры предупреждения хищений

Официальные статистические данные показывают, что половина всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества (52,3% в 2017 году [1], 51,7 % в 2018 году [95], 53,5 % в 2019 году [93] и в январе 2020 года – 50,3% [92]). Самыми распространенными, являются хищения, совершенные в форме кражи (788,5 тыс. в 2017 году, 756,4 тыс. в 2018 году, 774,2 тыс. в 2019 году и в январе 2020 года – 54,0 тыс.), мошенничества (222,8 тыс. в 2017 году, 215,5 тыс. в 2018 году, 257,2 тыс. в 2019 году и в январе 2020 году – 22,2 тыс.), грабежа (56,9 тыс. в 2017 году, 50,1 тыс. в 2018 году, 45,8 тыс. в 2019 году и в январе 2020 году – 3,5 тыс.) и разбоя (9,1 тыс. в 2017 году, 7,5 тыс. в 2018 году, 6,7 тыс. в 2019 году и в январе 2020 году – 415) [94; 95; 93; 92].

Как можно заметить, несмотря на то, что на протяжении последних трех лет наблюдается незначительная тенденция роста-уменьшения количества совершаемых хищений, однако они стабильно занимают половину всех регистрируемых преступлений. Все это свидетельствует о достаточно широком распространении хищений. Кроме того, сниженный возраст уголовной ответственности за кражи, грабежи и разбои до 14 лет также связан с тем, что данные преступления очень часто совершаются несовершеннолетними, которые вполне осознают характер своих противоправных действий.

Кроме того, в настоящее время хищения приобрели более организованный, изощренный характер, причиняют потерпевшим значительный вред, не только материальный, но и здоровью. Особенно это относится к таким формам хищения, как грабежи разбои.

В связи со сказанным своевременное предупреждение и раскрытие хищений, проведение полного, объективного расследования, выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению, являются

важными факторами нейтрализации негативных процессов, которые протекают в криминальной среде.

Результативность предупреждения хищений зависит не только от того насколько эффективны меры, направленные на борьбу с данным видом преступности. Важное значение имеют и профилактические меры, имеющие своей целью предупреждать саму причину совершения хищений.

Как известно, общие причины преступности в целом и преступлений, направленных против собственности в том числе, связаны с политической, экономической, социальной, культурной и идеологической сферами жизнедеятельности человека [91, с. 325]. При этом, не стоит отрицать и специфику хищений, которая определяет их криминологическую характеристику, факторы, влияющие на их совершение, приемы и воздействие на эти факторы.

Ведущее место среди причин, способствующих совершению некоторых видов корыстно-насильственных хищений, совершенных в форме грабежа и разбоя, является низкое материальное положение. Данное явление наблюдается в крупных промышленных центрах, где уровень жизни гораздо выше, чем в регионах. Еще одной распространенной причиной совершения преступлений рассматриваемого вида является корысть. Своим возникновением данное явление обязано зарождением частной собственности, что породило социально-экономическое неравенство.

Среди распространенных причин можно выделить такие, как воздействие окружающей микросреды, где преступник подвергается негативному влиянию своих друзей, приятелей, знакомых и т.д. Речь в данном случае идет о таких явлениях, способствующих совершению хищений, как алкоголизм, наркомания, злоупотребление спиртными напитками, безработица, тяжелое материальное положение, негативное влияние микросреды, стремление к обогащению любыми средствами [83, с. 359].

Одним из определяющих факторов является искажение социально-нравственной среды и деградация ценностей общества, посредством чего

появляются как позитивные, так и негативные явления общественной жизни: появление в социуме культа сильной личности, порождает увеличение числа преступных групп, которые в свою очередь, действуют наиболее жестоко и изощренно, в том числе при совершении таких форм хищения, как грабежи и разбои.

Возможные меры предупреждения хищений разделяют на: меры общего предупреждения хищений; меры индивидуальной профилактики хищений; уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и административно-правовые меры предупреждений хищений; оперативно-розыскные меры предупреждения хищений; организационные и иные меры предупреждений хищений [91, с. 325-327].

Иными словами, предупреждение хищений, представляя собой целенаправленное воздействие на их причину, является определенной системой, включающей меры общесоциального и специального характера. Меры специального характера включают меры уголовно-правовой политики, направленные на противодействие хищениям и меры их криминологического предупреждения [49, с. 52]. В настоящей части выпускной квалификационной работы будут рассмотрены общесоциальные меры предупреждения хищений, объектом которых является социальная среда, содержащая причины совершения хищений.

К общесоциальным мерам противодействия преступности относят:

- мониторинг криминогенных и антикриминогенных явлений и состояние борьбы с преступностью;
- создание условий, препятствующих совершению преступлений;
- правовое воспитание населения;
- разработка и внедрение стандартов безопасности от преступлений;
- обмен информацией о криминогенных факторах правоохранительных органов с другими государственными, негосударственными органами и общественными организациями;

- разработка и реализация программ, направленных на борьбу с преступностью и др. [91, с. 325-326]

Особенность предупреждения преступности заключается в ее объекте. Объект предупреждения хищений в рамках общесоциального уровня является специфическим в силу того, что на данном уровне воздействие осуществляется и на лиц с позитивным поведением.

Предупреждение хищений в рамках общесоциального уровня заключается в мероприятиях социально-экономического, правового и духовно-нравственного характера.

Так, Е.Ф. Новиков, рассматривая общесоциальные меры предупреждения хищений на транспорте, считает, что социально-экономические меры должны быть направлены на создание обновленных систем безопасности, совершенствование транспортных коммуникаций, постепенное обновление транспортного парка, монтаж камер наружного наблюдения в местах скопления людей и в служебных помещениях вокзалов, аэропортов, станций, портовых терминалах, обеспечение достойных условий труда работников железнодорожной, воздушной и водной сфер. Правовые меры, по мнению ученого, применительно к хищениям, совершаемым на транспорте, заключаются в совершенствовании нормативной базы регулирования деятельности транспортной инфраструктуры, в частности, должно быть установлено четкое государственное тарифное регулирование в сфере оказания услуг по проведению оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, законодательство должно предусматривать возможность заключения договоров охраны объектов транспорта с частными организациями, должны быть установлены правила взаимодействия независимых друг от друга участников перевозочного процесса на железнодорожном, воздушном и водном транспорте и четко регламентирован порядок оборота металла. Повышение контроля транспортной безопасности позволит избежать ряда характерных недостатков и несоответствий сертификационным требованиям

мер предупреждения должно быть ориентировано и на программы, укрепляющие антикриминогенный потенциал общества [58, с. 113-117].

Ю.В. Леонтьева и О.А. Овчинко, рассматривая противодействие корыстно-насильственной преступности, к числу которых относятся также некоторые формы хищений считают, что общесоциальное предупреждение направлено на укрепление и развитие антикриминогенного потенциала общества, нейтрализацию антиобщественных свойств личности у лиц с отклоняющимся поведением [49, с. 52]. Следовательно, объектом общесоциального предупреждения хищений является социальная среда, содержащая детерминанты рассматриваемых видов преступлений, а субъект – органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, деятельность которых направлена на реализацию общесоциальных программ.

В целом, можно назвать следующие меры общесоциального предупреждения хищений:

- меры, направленные на снятие социальной напряженности в обществе (преодоление безработицы, улучшение качества жизни, строительство жилья, возможность и доступность получения образования). Данные меры связаны политическими и экономическими преобразованиями, направленными на повышение не только благосостояния граждан, но и их духовную реализацию. Духовная реализация граждан напрямую зависит от утверждения таких общечеловеческих ценностей, как принципы социальной справедливости, гуманизация, развитие и укрепление морально-нравственных качеств;
- запрет пропаганды насилия, вытеснение криминальной субкультуры за пределы духовной жизни общества [28, с. 94], поддержка здорового образа жизни, формирование государственной антиалкогольной политика;

- преодоление правового нигилизма и повышение уровня правового обучения граждан;
- укрепление антикриминогенного потенциала процесса социализации (недопустимость отчуждения личности и семьи, коррекция семей социально-отклоняющегося поведения, позитивная семейная социализация [44, с. 351]);
- совершенствование правоприменительной и карательной практики [49, с. 54], включающей уголовно-правовое предупреждение посредством использования принудительных мер и оказания воспитательного воздействия и исправление преступников. При этом не является эффективным либеральный подход к назначению наказаний за насильственные формы хищений.

Кроме того, деятельность органов государственной власти в сфере устранения причин способствующих совершению хищений, должна быть направлена на оптимизацию социально-экономической ситуации в стране в целом, и в частности, на решение вопросов, связанных с досугом молодежи, на регулирование и финансирование культурно-массового и нравственно-идеологического их воспитания, повышение культуры населения, пропаганда законопослушного поведения.

Проведенный в первой главе выпускной квалификационной работы общий анализ хищения, позволяет сделать некоторые промежуточные выводы.

Во-первых, легальное определение хищения имеет как теоретическое, так и практическое значение, способствует отграничению хищений от других преступных посягательств на собственность и является необходимой основой для правильной квалификации этих посягательств. Имущество, являющееся предметом хищений, является тем обстоятельством, которое определяет степень вредоносности конкретного преступления. Все это является основанием для дифференциации хищений на отдельные виды в зависимости от ценности похищенного имущества. В зависимости от способа изъятия

имущества, т.е. признака, характеризующего объективную сторону хищений, в науке уголовного права выделяют формы хищений.

Во-вторых, родовым объектом хищений являются общественные отношения в сфере экономики. Видовой объект – собственность, а непосредственный – конкретные отношения собственности. Признаком объективной стороны хищений, является противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества. Субъективная сторона хищения характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Субъект хищения – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и не являющееся собственником похищенного имущества. При этом, для кражи, грабежа и разбоя законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности, наступающий с 14 лет.

В-третьих, предупреждение хищений в рамках общесоциального уровня заключается в мероприятиях социально-экономического, правового и духовно-нравственного характера. Общесоциальное предупреждение направлено на укрепление и развитие антикриминогенного потенциала общества, нейтрализацию антиобщественных свойств личности у лиц с отклоняющимся поведением. Объектом общесоциального предупреждения хищений является социальная среда, содержащая детерминанты рассматриваемых видов преступлений а субъект – органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, деятельность которых направлена на реализацию общесоциальных программ.

Глава 2 Ненасильственные формы хищения

2.1 Кража, грабеж без насилия

Все хищения делятся на формы. Так, по способу совершения на шесть форм: кража, грабеж, мошенничество, разбой, присвоение или растрата.

К ненасильственным формам хищения относятся: кража (ст. 158 УК РФ); мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ); мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ); мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ); присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ).

В данной части исследования будут рассмотрены особенности таких ненасильственных форм хищения, как кража и грабеж без насилия.

Как уже не раз отмечалось в предыдущей части настоящей работе, в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ кража определена как тайное хищение чужого имущества. Однако не всеми учеными в доктрине признается, что тайность является характеристикой способа совершения преступлений.

К примеру, по мнению С.М. Кочои, термин «тайное» характеризует не способ совершения преступления, так как отвечает на вопрос «какое?», а не «каким образом?», а относится к обстановке совершения преступления [41, с. 135].

Исходя из содержания п. 2 Постановления № 29 тайный способ предполагает скрытность, незаметность хищения для других лиц.

В настоящее время в науке выделяют объективный и субъективный критерии тайного и открытого способов хищения, которые не имеют легального определения. В связи с чем, С.А. Елисеев предлагает в примечании к ст. 158 УК РФ сформулировать следующее легальное определение тайности:

«Завладение имуществом признается тайным, если оно совершается: в отсутствие собственника, законного владельца или иных лиц; в присутствии кого-либо из этих лиц, но незаметно для них, или когда они не осознают противозаконности действий виновного; в случаях, когда виновный полагает, что его действия незаметны для окружающих» [34, с. 96-97].

А.А. Галаганов считает, что тайность является явлением собирательным, которое отражается не только в случаях совершения кражи, но и в других случаях, когда тайность не имеет юридического значения для квалификации [24, с. 36]. При этом под тайным хищением чужого имущества ученый предлагает понимать «любое ненасильственное завладение чужим имуществом при отсутствии у потерпевшего и третьих лиц осознания фактического характера и общественной опасности совершаемых действий, а также при уверенности самого виновного в том, что его посягательство для окружающих является незаметным либо неочевидным» [24, с. 39].

Объективный критерий тайного способа совершения кражи означает, что преступление совершается при одном из следующих обстоятельств:

- на месте совершения преступления отсутствуют очевидцы, т.е. факт хищения никто не наблюдает, так как никого, кроме виновного, нет на месте совершения преступного деяния [52, с. 216];
- на месте совершения преступления отсутствуют посторонние, т.е. собственники или иные законные владельцы похищаемого имущества, а также лица, охраняющие данное имущество, либо лица, которым понятен преступный характер действий виновного. Хищение может совершаться в присутствии не посторонних для преступника лиц. В этом случае кража имеет место быть в том случае, если виновный может рассчитывать на их молчание, так называемое пассивное попустительство со стороны таких лиц (родственники виновного, его друзья, знакомые) [18, с. 313]. При этом, если обещание скрыть факт совершенного преступления дано такими лицами после окончания преступления, то о тайном

характере хищения речи вести нельзя. В данном случае имел место грабеж, так как виновный действовал на глазах у посторонних [100, с. 549];

- на месте совершения хищения присутствуют посторонние лица, которые не замечают хищения, в виду к примеру, того, что их внимание специально отвлечено лицом, действующим заодно с виновным;
- на месте совершения преступления также присутствуют посторонние, которые не расценивают происходящее как хищение или не осознают этого. А.И. Бойцов такую ситуацию связывает не с физической стороны совершенных действий, а в силу тайности их подлинного смысла [18, с. 314] (хищение у неспящих пьяных, хищение в присутствии малолетних детей или невменяемых, на глазах у многих людей, воспринимающих действия виновного как совершенно правомерные и расценивающих его самого как хозяина (владельца) имущества и т.д.);
- хищение совершается в присутствии посторонних людей, которые не обнаруживают себя виновному.

Как можно заметить, объективный критерий тайного способа хищения, таким образом, характеризуется обстоятельствами, внешними по отношению к виновному.

Субъективный критерий характеризует отношение похитителя к возможности осознания другими лицами того, что он совершает.

Именно субъективный критерий является решающим при установлении тайности [18, с. 316].

В отличие от кражи, грабеж является открытым хищением чужого имущества, т.е. хищение совершается в открытой форме, понятие которой сформулировано п. 3 Постановления № 29.

Объективная сторона характеризуется деянием, последствием, и причинно-следственной связью между ними.

При этом, последствия кражи и грабежа как форм хищения заключаются, с одной стороны, в причинении потерпевшему имущественного ущерба, с другой стороны, в противоправном обогащении самого виновного или лиц, в судьбе которых он заинтересован [21].

Согласно п. 6 Постановления № 29 кража и грабеж считаются оконченными, в случае, если имущество изъято и у виновного есть реальная возможность им распоряжаться или пользоваться по своему усмотрению.

В доктрине одни ученые предлагают считать оконченной кражу из кармана или в общественном месте с момента фактического изъятия имущества, в независимости от наличия возможности у виновного распорядиться похищенным [72, с. 388]. По мнению других, кража может быть окончена только в случае получения виновным реальной возможности пользоваться или распоряжаться похищенным [53, с. 247].

Момент окончания грабежа можно рассмотреть на следующем примере из судебной практики.

Так, 11 октября 2017 года Бахтияров Р.М., находясь в торговом зале магазина «Магнит» АО «Тандер», и имея умысел на тайное хищение чужого имущества, с указанной целью подошел к стеллажу, на котором находилась кофейная продукция, откуда с верхней полки похитил принадлежащие АО «Тандер» три упаковки кофе. В это время противоправные действия Бахтиярова Р.М. стали очевидны для директора магазина, который потребовал от последнего возвращения похищенного имущества. Однако Бахтияров Р.М. с целью удержания похищенного имущества требование Потерпевший проигнорировал и осознавая, что его противоправные действия стали очевидны для окружающих, имея умысел на открытое хищение чужого имущества, продолжил свои преступные действия и удерживая в руках указанные три пачки кофе попытался скрыться с данным похищенным имуществом с места преступления, выбежав из торгового зала магазина, но был задержан преследовавшим его Потерпевший, в связи с чем свой преступный умысел не смог довести до конца по независящим от его воли

обстоятельствам. Описанные действия подсудимого Бахтиярова Р.М. были квалифицированы судом по ст. ст. 30 ч. 3, 161 ч. 1 УК РФ, так как он своими умышленными действиями совершил покушение на грабеж, то есть покушение на открытое хищение чужого имущества [78].

Не оконченным признается грабеж, если действия виновного были направлены, к примеру, на хищение имущества на определенную сумму, а похитил только часть.

Так, Н., незаконно проникнув в квартиру потерпевшей, с целью хищения чужого имущества, открыто, с корыстной целью похитил имущество потерпевшей на сумму 4795 рублей, скрывшись с места преступления с похищенным имуществом, которым впоследствии распорядился по своему усмотрению.

Спустя незначительный промежуток времени Н., вновь пришел к квартире потерпевшей и, понимая, что его действия носят открытый характер, приготовился к похищению имущества потерпевшей на общую сумму 9123 рубля. Однако во время совершения преступления Н. был застигнут на месте свидетелем, и его преступные действия были пресечены.

Таким образом, поскольку умысел и действия Н. были направлены на хищение имущества К. на сумму 13918 рублей, однако похитил он только часть имущества ввиду того, что был застигнут на месте преступления свидетелем и не смог в полном объеме довести до конца по не зависящим от него обстоятельствам свой преступный умысел, суд не признал содеянное Н. оконченным преступлением и действия были квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ как покушение на грабеж [7].

Таким образом, грабеж признается оконченным преступлением, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению.

Субъективная сторона кражи и грабежа – вина в форме прямого умысла и корыстная цель. При этом умысел на тайное хищение чужого имущества может возникнуть внезапно.

Так, осуществляя свой преступный умысел, направленный на открытое хищение чужого имущества, А.А.А. умышленно, из корыстных побуждений, осознавая противоправный характер своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного вреда собственнику и желая этого, подошел к Ф.И.О.8 сзади и, осознавая, что его преступные действия очевидны для потерпевшего, но безразлично относясь к этому, сорвал с его плеча матерчатую барсетку, в которой находились денежные средства и сотовый телефон, тем самым открыто похитил имущество, принадлежащее Ф.И.О.8, с которым пытался скрыться с места происшествия [67].

Не имеется состав грабежа в действиях лица, который посредством открытого хищения завладевает имуществом, которое считает своим, либо с целью временного заимствования чужого имущества.

Например, по одному уголовному делу, виновный показал, что временно позаимствовал телефон с целью показать переписку в соцсетях. Однако обстоятельства дела свидетельствовали об обратном.

Вишняков А.В. избил К. на лестнице, удары наносил рукой и бил головой о ступеньки. Свидетель Р. показал, что Вишняков А.В. сам сообщил ему, что избил К. и забрал у того телефон. Из показаний как Вишнякова А.В., так и Щ. следует, что телефон К. Вишняков А.В. передал своему сыну В. При этом показания подсудимого о причинах, по которым он это сделал – якобы чтобы показать Щ. переписку дочери в соцсетях - ничем не подтверждаются. Суд расценил указанную передачу, как распоряжение похищенным имуществом [79].

Помимо цели совершения преступления, закон требует также установления конкретных мотивов каждого преступления. По данному вопросу суд отмечают, что побуждение осужденных «бороться с наркоманией» фактически было обусловлено корыстным мотивом, стремлением нажиться. Действия потерпевших, которые по просьбе осужденных приобрели для них наркотики, были использованы ими для

завладения их деньгами. Осужденные не приняли каких-либо законных мер для задержания ФИО1 и ФИО2, передачи их правоохранительным органам, видеофиксация действий потерпевших ими была использована лишь для вымогательства денег [9].

При таких обстоятельствах у судебной коллегии отсутствуют основания для признания в качестве смягчающего обстоятельства противоправность и аморальность поведения потерпевших.

Субъектом кражи и грабежа является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

В силу того, что кража и грабеж являются схожими, по составу, преступлениями, актуальна проблема правильной квалификации, то есть разграничения смежных деяний.

Так, на практике интересен следующий случай.

Лосев Г.А. после возвращения в дом с места избиения потерпевшего, обнаружил оставленные Потерпевший в доме вещи. Кроме того, во дворе дома – на том месте, где он начал применение насилия к потерпевшему перед тем, как выдворить последнего за пределы двора, – Лосев Г.А. заметил и поднял с газона часы Потерпевший и положил часы в карман спортивной кофты потерпевшего. После этого он, взяв с собой все перечисленные выше вещи Потерпевший, на вызванном по телефону такси выехал из Тимофеевки-Тольятти в Самару, намереваясь «навестить мать». По дороге он извлек из кошелька Потерпевший деньги и забрал их себе. При таких обстоятельствах умышленные действия по тайному завладению перечисленным выше имуществом Потерпевший, инкриминируемые подсудимому в рамках его обвинения по ч. 1 ст. 162 УК РФ, суд переквалифицировал по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ как оконченная кража – тайное хищение чужого имущества с причинением потерпевшему Потерпевший значительного ущерба [75].

Исходя из содержания п. 3 Постановления № 29 следует, что если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются другими лицами (свидетелями), однако виновный, сознавая это, продолжает совершать

незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное должно быть квалифицировано как грабеж.

Так, судом было верно установлено, что К., имея умысел на хищение чужого имущества, вскрыл чужой автомобиль, заменил государственные регистрационные номера и при попытке скрыться с места преступления был замечен сотрудниками ДПС, которые, зафиксировав нарушение К. правил дорожного движения, выдвинули требование остановиться. При этом, К., осознавая, что его действия стали явными для окружающих, сотрудников ДПС, не реагируя на законные требования об остановке транспортного средства, продолжил скрываться с места совершения преступления, тем самым удерживая похищенное имущество, однако довести свой преступный умысел до конца не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку был задержан сотрудниками ДПС [63].

Таким образом, кража и грабеж являются самостоятельными формами хищения, которые отличаются способом завладения чужим имуществом. При краже – это тайный, а при грабеже – открытый. Решающим для установления тайности является субъективный критерий - представление виновного о том, что имущество изымается им незаметно. При отграничении кражи от грабежа следует определить конкретный круг лиц, в присутствии которых действия виновного будут квалифицированы как кража.

2.2 Присвоение, растрата

Следующей ненасильственной формой хищения, является присвоение или растрата, ответственность за которые предусмотрена ст. 160 УК РФ.

Отличительными признаками данного состава преступления от других форм хищения является, прежде всего, такая характеристика предмета, как вверенность чужого имущества, т.е. имущество находится в правомерном владении у виновного [18, с. 416-417].

В настоящее время понятие вверенного имущества не раскрывается ни в УК РФ, ни в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление № 48) [66].

Определение вверенного имущества можно найти в Методических рекомендациях по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, в которых под «вверенным» понимается имущество, в отношении которого виновное лицо в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения государственной или общественной организации осуществляет определенные полномочия по распоряжению, управлению, хранению и т.д. Такие полномочия могут быть переданы собственником имущества другим гражданам на основании гражданско-правовых договоров подряда, аренды, комиссии, проката и т.д. [55]

В научной литературе предлагаются различные определения вверенного имущества.

Так, С.М. Кочои вверенное имущество определяет, как имущество, которое передано под материальную ответственность [41, с. 133].

А.Б. Хабаров, при рассмотрении понятия вверенного имущества за основу взял основания возникновения гражданских правоотношений и привел основания вверенности имущества: гражданско-правовая сделка и отношения с юридическим лицом, связанным с участием в его капитале, либо с занимаемой в нем должностью [108, с. 100].

А.И. Бойцов считает, что предмет преступного посягательства при присвоении или растрате вверено виновному в силу его служебного положения, каких либо договорных отношений [18, с. 416-417]. Кроме того, при некоторых обстоятельствах А.И. Бойцов считает возможным считать вверенным и найденное имущество [17, с. 151-154].

По мнению А.П. Севрюкова вверенным является имущество, которое передано виновному по документу, документально оформлено для непосредственного обслуживания, использования или управления [90, с. 17].

Таким образом, вверенное имущество охватывает все случаи, когда имущество передается какому-либо лицу и это лицо наделяется в отношении данного имущества различными полномочиями, не будучи его собственником [80, с. 64].

Интересен такой пример из судебной практики, в котором видно, что не может являться вверенным имуществом заработная плата.

Так, оправдывая Щербовича А.С., суд первой инстанции на основании исследованных в судебном заседании доказательств, представленных сторонами, пришел к выводу об отсутствии в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, поскольку последний издавал приказы об ежемесячном премировании всех работников предприятия, а не лично себя; определял порядок выплаты премии, что являлось формой установления руководителем заработной платы, и это обстоятельство согласуется с положениями ст. ст. 129, 135 ТК РФ. Начисление и выплата А.С. Щербовичу, наряду с другими работниками, через кассу предприятия премии, как части заработной платы, правомочность и размер которой были подтверждены Администрацией Вескинского сельского поселения, в том числе путем издания распоряжения № 22к от 28 июля 2017 года, не может квалифицироваться как совершение им присвоения. При таких данных, заработная плата не может рассматриваться как чужое имущество, вверенное директору, а ее выплата Щербовичу бухгалтерией на основании изданного им локального акта не является присвоением с использованием служебного положения. Совершение Щербовичем А.С. каких-либо обманных действий, направленных на незаконное получение заработной платы, в ходе предварительного расследования не установлено [37].

Возникают на практике вопросы при квалификации действий директора, являющегося одновременно и учредителем юридического лица. Проблема

заключается в принадлежности имущества данному лицу – а именно является данное имущество для него чужим. Как известно учредитель является собственником имущества организации, тогда как директору данной организации это имущество вверяется. С.А. Ступина и М.В. Пальчик решение данного вопроса видят в том, что бы соотнести сумму похищенного имущества с долей этого лица в уставном капитале организации. Если сумма похищенного не значительна, то в таком случае действия виновного не могут быть квалифицированы по ст. 201 УК РФ, как злоупотребление полномочиями, т.е. состав преступления отсутствует [98, с. 112].

А.А. Кузнецов считает, что «в случаях обращения управленцами коммерческих или иных организаций имущества предприятия в пользу других лиц, относящихся к узкому кругу, данные деяния следует квалифицировать как хищения, совершенные с использованием служебного положения. Совершение же действий, в результате которых имущество передается широкому кругу лиц, в судьбе которых управленцы коммерческих или иных организаций не заинтересованы, следует квалифицировать по ст. 201 УК РФ» [45, с. 29].

Данную позицию следует поддержать и отразить ее в соответствующем Постановлении Верховного Суда РФ.

Такие признаки объективной стороны, как присвоение и растрата, являющиеся формами похищения чужого имущества раскрываются в п. 24 Постановления № 48.

Так, согласно указанного Постановления, присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника. Растрата – это действия виновного лица, направленные на потребление, расходование или передача вверенного имущества другим лицам с корыстной целью.

Отличаются присвоения и растрата друг от друга моментом окончания. Присвоение считается оконченным с момента, когда законное владение

вверенным имуществом стало противоправным и виновное лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу. Растрата окончена с момента начала противоправного потребления, израсходования или отчуждения вверенного имущества.

Например, в апелляционном представлении государственный обвинитель указал на то, что судом в нарушение п. 24 Постановления № 48 неверно определен момент окончания преступления - присвоения денежных средств банка, а именно с корреспондентского счета банка и перечисление их на расчетный счет ООО «Бизнеспроект». Между тем реальная возможность противоправного, безвозмездного обращения денежных средств банка в свою пользу и распоряжения денежными средствами банка по своему усмотрению возникла у А. только после зачисления их на ссудный счет, когда получатель может воспользоваться деньгами, как путем перевода их на свой расчетный счет, так и получения наличных денежных средств в операционной кассе банка. Таким образом, местом окончания преступления является фактическое нахождение банка (ссудного счета).

Мотивируя свое решение, суд основывался на том, что присвоение считается окончанным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу, посчитав местом окончания преступления место нахождение корреспондентского счета банка, который не относится к юрисдикции Мещанского районного суда г. Москвы.

Между тем, А. предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 160 УК РФ. Согласно обвинительного заключения и формулировки предъявленного ему обвинения установлено, что реальная возможность противоправного, безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу и распоряжения ими возникла у А. после перечисления денежных средств на ссудный счет банка открытый в самом банке, то есть в месте на которое распространяется юрисдикция Мещанского районного суда г. Москвы.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции отменил постановление суда первой инстанции [11].

На практике возникает вопрос квалификации по ст. 160 УК РФ действий материально ответственного лица, которое отпускает товар «в долг» другим лицам. Однако в таком случае необходимо установить умысел лица, направленность которого должна определяться судом исходя из конкретных обстоятельств дела и его корыстную цель. При этом, частичное возмещение ущерба потерпевшему не может свидетельствовать об отсутствии умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества [98, с. 112].

Определенные сложности на практике возникают при отграничении присвоения или растраты от кражи, что связано с близостью данных составов преступлений. По мнению С.А. Елисеева, кража отличается от присвоения или растраты по признаку субъекта [34, с. 87]. Другие ученые разграничительным признаком указанных форм хищения считают отношение субъекта преступления к похищаемому имуществу» [114, с. 551].

Представляется более правильным отграничивать присвоение и растрату от кражи по признакам предмета, объективной стороны и субъекту преступных посягательств.

Как уже отмечалось присвоение и растрата отличаются от других форм хищения и в том числе от кражи, таким признаком чужого имущества, как его вверенность виновному лицу в силу его служебного положения, либо иных каких договорных отношений. Иными словами чужое имущество находится в правомерном владении у виновного лица до самого момента его присвоения или растраты, тогда как похищаемое при краже имущество не может находиться в правомерном владении виновного и он осознает, что данное имущество является чужим.

Объективная сторона кражи состоит в противоправном и безвозмездном изъятии чужого имущества с последующим его обращением в пользу виновного или иных лиц. При этом под изъятием понимается акт активного поведения, заключающийся в обособлении похищенного имущества и

перемещении его в пространстве, чтобы затем приобщить к собственности преступника.

А.Г. Безверхов характерным признаком объективной стороны присвоения и растраты, отличным от кражи, считает отсутствие признака незаконного изъятия чужого имущества у собственника или иного владельца. Преступнику с целью присвоения или растраты чужого имущества не нужно изымать его, а достаточно удержать, не возвращать собственнику [15, с. 136-137]. Однако, по справедливому замечанию А.И. Бойцова, невозможно обратить чужое имущество в свою пользу, не изъяв его из фондов собственника. При этом, изъятие нельзя сводить к сугубо физическому, механическому его аспекту, основанному только на понимании хищения как перемещения имущества в пространстве [18, с. 228]. В данном случае необходимо учитывать, что и при совершении преступления, предусмотренного 160 УК РФ, имущество принадлежит законному собственнику и при его присвоении или растрате оно выводится из владения собственника, т.е. фактически изымается.

С учетом изложенного, думается, изъятие как внешнее проявление хищения свойственно также присвоению и растрате. Однако в отличие от кражи, при которой происходит просто физическое изъятие имущества у собственника, при присвоении и растрате изъятие означает лишение собственника права владения, пользования и распоряжения имуществом, так как объектом преступных посягательств на собственность являются общественные отношения собственности.

Присвоение или растрата отличаются от кражи и моментом окончания. Так, если кража считается оконченным преступлением, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность распорядиться или пользоваться им, то присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на

обращение указанного имущества в свою пользу, а растрата с момента начала противоправного издержания вверенного имущества.

И, наконец, присвоение и растрата отличаются от кражи по признакам субъекта, совершившего незаконное завладение чужим имуществом, а именно возраст. Субъект кражи - любое физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, а присвоения и растраты – достигшее 16-летнего возраста, которому имущество вверено.

Таким образом, при квалификации присвоения и растраты возникают сложности, связанные с отграничением от других форм хищения и иных смежных составов преступлений. Некоторые из вопросов, рассмотренных в данной части выпускной квалификационной работы нуждаются в уточнении и раскрытии в Постановлении № 48 с целью единообразного применения норм УК РФ и правильной квалификации действий виновного.

2.3 Мошенничество

В главе 21 УК РФ предусмотрено несколько видов мошенничества (см. ст.ст. 159-159.6 УК РФ). Особенности мошенничества в сравнении с другими формами хищений заключаются в более широком предмете, которым могут быть не только чужое имущество, но и права на него. К имущественным правам относятся правомочия собственника, право оперативного управления и обязательственные права, права авторов, изобретателей, рационализаторов на вознаграждение (гонорар) за созданные ими произведения, наследственные права [96, с. 244].

Объективной стороной мошенничества является хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Данные особенности объективной стороны мошенничества отличают его от других видов хищений.

В п. 2 Постановления № 48 сформулировано понятие мошеннического обмана как «способа совершения хищения или приобретения права на чужое

имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение».

В п. 3 этого же Постановления приведено определение злоупотребления доверием при мошенничестве - использование с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Иными словами, злоупотребление доверием как следующая форма совершения мошенничества характеризуется тем, что преступник пользуется доверительным к нему отношением потерпевшего.

Следует обратить внимание на то, что в ст. 159 УК РФ рассматриваемые способы совершения мошенничества сформулированы посредством использования союза «или», что исключает одновременное присутствие обоих способов при квалификации преступления. Однако, в судебной практике можно встретить приговоры, в которых действия виновного лица указаны и как обман, и как злоупотребление доверием.

Например, способами приобретения права на чужое имущество было указано на обман и злоупотребление доверием, выразившиеся в том, что Алиханов ввел в заблуждение управляющую Карельским отделением Сбербанка П. которой, используя доверительные с нею отношения, пообещал приобрести для Карельского отделения Сбербанка нежилые помещения в г. Петрозаводске Республики Карелия и затем передать их Карельскому отделению Сбербанка по цене приобретения с аукциона с учетом только регистрационных и налоговых выплат, и посредством использования П. которая, в свою очередь, ввела в заблуждение главу Администрации

г. Петрозаводска Республики Карелия М. и сотрудников Администрации г. Петрозаводска Республики Карелия относительно «гарантированного» приобретения муниципального имущества, арендованного Карельским отделением Сбербанка, заверив при этом, что Карельское отделение Сбербанка России в будущем не будет предъявлять требования о возврате перечисленных в бюджет арендных платежей [69].

Субъект мошенничества, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ – общий, вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Как можно заметить, в отличие от мошенничества возраст уголовной ответственности за такие формы хищения, как кража, грабеж и разбой уменьшен. Мошенничество, которое является интеллектуальным преступлением, предполагает наличие жизненного опыта, интеллектуальных способностей, психологических знаний, т.е. наличие таких качеств, которые не свойственны лицу, не достигшему еще возраста 16 лет.

Субъект квалифицированных видов мошенничества (ч. 3 ст. 159 УК РФ) и мошенничества в предпринимательской сфере (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) является специальным, т.е. лицо, использующее служебное положение и предприниматель.

Субъективными признаки мошенничества являются: прямой умысел и корыстная цель изъятия чужого имущества. Определение прямого умысла содержится в ст. 25 УК РФ, из которой следует, что прямой умысел представляет собой совокупность следующих признаков:

- Осознание виновным общественной опасности совершаемого им деяния, т.е. лицо отдает отчет в том, что совершает.
- Предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий своих действий, т.е. причинение вреда здоровью потерпевшего и изъятие чужого имущества.
- Виновный желает наступления общественно опасных последствий (волевой момент умысла). Об этом свидетельствует характер

действий, совершаемых виновным, для достижения своей цели [81, с. 32].

Как уже отмечалось составы хищений в главе 21 УК РФ, кроме прямого умысла в качестве обязательного субъективного признака предусматривают корыстную цель.

Следует заметить, что содержание корысти не вызывает само по себе споров, но вот объем корысти связывается с двумя ее пониманиями - узким и широким. Согласно узкому подходу, приращение имущества других лиц будет считаться связанным с корыстными устремлениями лица, непосредственно совершающего преступление, только в том случае, если в обогащении этих других лиц последний лично заинтересован. В частности, в связи с близкими родственниками, иными близкими лицами, включая друзей, наличие корыстной мотивации признается почти всеми авторами, поскольку лицо, ставя своей целью увеличить их благосостояние, побуждается к своим действиям корыстной выгодностью поведения, некоей эфемерной общностью материальных интересов его и близких ему людей.

В последние годы наблюдается тенденция расширять круг других лиц за счет юридических лиц с той оговоркой, что в обогащении последних лицо должно быть заинтересовано либо ввиду участия в капитале такого юридического лица, либо ввиду работы в нем, либо по каким-то еще личным причинам. Н.А. Лопашенко еще говорит, что «есть корыстная цель и хищение в целом тогда, когда лицо изымает чужое имущество для передачи его тем лицам, с которыми находится в имущественных отношениях (является, например, их должником, или квартиросъемщиком, или работодателем и т.п.)» [52, с. 46].

Наконец, самым сложным является обоснование отнесения к числу других лиц соучастников преступления. Здесь возможны две ситуации. В первой иные соучастники не разделяют корыстного мотива исполнителя при совершении хищения, однако квалификация этих случаев не вызывает каких-либо трудностей: соучастнику вменяются мотивы исполнителя, которые им

осознавались, пусть даже и не разделялись. В этом проявляются элементы акцессорности соучастия. Во второй ситуации исполнитель, совершая хищение, руководствуется иным мотивом, нежели чем корысть, которую, в свою очередь, преследуют иные соучастники. Наверное, и в этом случае осознание мотива иных соучастников оправдывает квалификацию действий как хищения.

Согласно широкому подходу корыстный мотив (цель) всегда имеет место постольку, поскольку хищение совершается в пользу других лиц независимо от того, насколько в их обогащении лицо лично заинтересовано [15, с. 165-167; 13, с. 4-8; 61, с. 39-42].

Распространена практика установления корыстной цели руководителя, участника юридического лица в случае, когда в результате совершенных ими обманных действий имущество потерпевшего зачисляется на счет указанной организации. Однако узкое понимание корыстной цели препятствует такому выводу.

Так, Верховный Суд РФ отменил обвинительный приговор в виду того, что в приговоре не было приведено доказательств, подтверждающих наличие у Д.А. Малова, Д.О. Гришиной, Е.А. Журушкиной корыстной цели как обязательного признака состава мошенничества, несмотря на то, что факт поступления денежных средств, которые нижестоящие суды посчитали похищенными, на счет ЗАО был доказан [60].

Широкое понимание корыстной цели по сути ведет к пересмотру позиции Верховного Суда РФ по квалификации некоторых случаев злоупотребления должностными полномочиями.

Так, суд, подтверждая осуждение по ст. 285 УК РФ и исключая из приговора осуждение по ст. 159 УК РФ, указал следующее: «В разговоре с работниками Дома культуры... Абдукодирова объясняла так называемую практику «мертвых душ» тем, что работники получают небольшую заработную плату, а с целью получения большей заработной платы отдельными работниками Г., М., Ш. фиктивно трудоустраивались лица,

которые фактически свои трудовые функции не выполняли. Фиктивное трудоустройство отдельных работников делало возможным начисление и выплату заработной платы на полную ставку... В приговоре суда отсутствуют какие-либо данные о присвоении денег Абдукодировой. Судебная коллегия, соглашаясь с мнением прокурора Бабушкиной, считает, что в отношении Абдукодировой необходимо исключить осуждение по ст. 159 ч. 3 УК РФ и назначенное ей по данной статье наказание» [4].

В данном случае лицо руководствовалось мотивом ложно понятого служебного долга, однако очевидно преследовали цель увеличить благосостояние других лиц.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки мошенничества предусмотрены в ч.ч. 2-4 ст. 159 УК РФ.

Так, признак группового мошенничества вменяется только при доказанности предварительного сговора. Некоторые учены считают необходимым признак преступления, совершенного группой лиц, как обстоятельство, отягчающее вину (ч. 1 ст. 63 УК РФ) включить в ст. 159 УК РФ, так как в данном случае мошенничество является более тяжким преступлением по сравнению с мошенничеством, совершенным одним лицом [85, с. 115].

На практике предварительный сговор считается доказанным, если между виновными лицами были согласованные действия, дополняющие друг друга и направленные на достижение единой преступной цели. При этом, к примеру, умысел Д. и неустановленных лиц на хищение имущества ООО «ЛайтНэт Комплекс» был подтвержден тем, что Д., осознавая невозможность произвести оплату по фиктивному договору, вводя в заблуждение сотрудников ООО «ЛайтНэт Комплекс» относительно постоплаты картриджей, принадлежащих последним, путем обмана похитили картриджи, принадлежащие ООО «ЛайтНэт Комплекс» [3].

В другом случае, суд согласился с судом нижестоящей инстанции, который отклонил довод осужденного о необходимости исключения

квалифицирующего признака - совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. При этом суд пояснил, что осужденный являлся исполнителем преступления совместно с иными соучастниками и его действия не могут быть расценены как пособничество. Осужденные и неустановленный соучастник, действуя умышленно, из корыстных побуждений, группой лиц по предварительному сговору, совместно и согласованно друг с другом, путем обмана, то есть сознательно сообщая заведомо ложные сведения, похитили принадлежащие потерпевшему денежные средства, которые присвоили и которыми распорядились по своему усмотрению. Осужденный и его соучастники заранее до совершения преступления вступили в преступный сговор, направленный на совершение мошенничества путем обмана потерпевшего, в целях хищения чужого имущества и, реализуя свой умысел, действовали по предварительному сговору группой лиц, о чем свидетельствует характер и согласованность их действий, которые были объединены единым умыслом и направлены на достижение единого преступного результата [62].

Значительный размер мошенничества определяется с учетом имущественного положения потерпевшего и составляет не менее пяти тысяч рублей. Однако в случае совершения мошенничества, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, т.е. в сфере предпринимательской деятельности, значительный размер определяется с учетом примечания 1 к ст. 159 УК РФ и составляет не менее десяти тысяч рублей.

Как можно заметить, квалифицирующий признак значительный ущерб, предусмотренный в ч. 2 ст. 159 УК РФ в отличие от такого же признака, предусмотренного в ч. 5 этой же статьи определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, т.к. гражданина, которому данный ущерб причинен.

В ч. 3 ст. 159 УК РФ предусмотрены следующие два особо квалифицирующие признака мошенничества, свидетельствующие о высокой степени их общественной опасности:

- мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения;
- мошенничество, совершенное в крупном размере.

Признак мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения раскрывается в п. 29 Постановления № 48, в котором предлагается под такими лицами понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

Так, суд счел, что квалификация действий осужденного по ч. 3 ст. 159 УК РФ являлась неверной, так как полномочия указанного лица не свидетельствовали о выполнении им административно-хозяйственных или организационно-распорядительных функций, которые предполагают руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение административных взысканий. Таким образом, указанное лицо не было наделено полномочиями по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия, преступление было им совершено в связи с выполнением своих трудовых функций [8].

Что касается такого квалифицирующего признака, как мошенничество, совершенного в крупном размере, то он определяется в соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ и составляет стоимость имущества, превышающую двести пятьдесят тысяч рублей. Данное примечание к ст. 158 УК РФ не распространяет свое действие на крупный ущерб, предусмотренный в ч. 6 ст. 159 УК РФ, в которой крупный ущерб определяется в соответствии с

примечанием 2 к ст. 159 УК РФ и составляет стоимость имущества, превышающую три миллиона рублей.

В части 4 ст. 159 УК РФ предусмотрены три особо квалифицирующие признака: мошенничество, совершенное организованной группой; мошенничество, совершенное в особо крупном размере; мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение.

В частях 5-7 ст. 159 УК РФ закреплён специальный состав мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, которые направлены на защиту субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязательств.

На практике отграничение состава мошенничества от смежных составов преступлений является важнейшей составляющей процесса квалификации.

Мошенничество отличается от иных (сходных) составов преступлений специфическими способами его совершения - обманом и злоупотреблением доверием. Это отличает мошенничество от кражи (ст. 158 УК РФ), когда злоумышленник изымает чужое имущество без согласия владельца и делает это тайно.

Не используется обман и злоупотребление доверием при совершении грабежа, который представляет собой открытый способ хищения чужого имущества.

Отличается мошенничество от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) тем, что при мошеннических действиях преступник использует обман или злоупотребление доверием для получения имущества, а состав ст. 165 УК РФ указывает на отсутствие признаков хищения при завладении чужим имуществом, а присваивает не принадлежащий ему доход или уклоняется от передачи имущества собственнику.

Одним из наиболее часто используемых способов мошенничества является использование преступником различных документов. В случае если

такой документ соответствует качествам официального документа), то имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст.159 и ст.327 УК РФ. Те же признаки разграничивают мошенничество и изготовление поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ).

Актуальным является разграничение мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств, т.е. преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ. По данному вопросу в Постановлении № 48 сказано следующее: «Если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества (части 1, 2, 3 или 4 статьи 159 УК РФ) или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5, 6 или 7 статьи 159 УК РФ), и дополнительной квалификации по статье 172.2 либо 200.3 УК РФ не требует».

В отличие от мошенничества, привлечение денежных средств в финансовую пирамиду основано не на обмане или злоупотреблении доверием, а разве что на азарте вовлеченных лиц [14, с. 27].

Проведенный во второй главе анализ ненасильственных форм хищения, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, кража и грабеж являются самостоятельными формами хищения, которые отличаются способом завладения чужим имуществом. При краже – это тайный, а при грабеже – открытый. Решающим для установления тайности является субъективный критерий - представление виновного о том, что имущество изымается им незаметно. При отграничении кражи от грабежа следует определить конкретный круг лиц, в присутствии которых действия виновного будут квалифицированы как кража.

Во-вторых, отличительными признаками присвоения и растраты от других форм хищения является, прежде всего, такая характеристика предмета, как вверенность чужого имущества, т.е. имущество находится в правомерном владении у виновного. При квалификации присвоения и растраты возникают сложности, связанные с отграничением от других форм хищения и иных смежных составов преступлений. Некоторые из вопросов (понятие вверенного имущества), нуждаются в уточнении и раскрытии в Постановлении № 48 с целью единообразного применения норм УК РФ и правильной квалификации действий виновного.

В-третьих, использование обмана и злоупотребление доверием отличают мошенничество от других видов хищения. Несмотря на действующее Постановление № 48, некоторые вопросы, связанные с отграничением мошенничества от смежных составов преступлений, остались без должного внимания. В частности, необходимо решить вопрос, связанный со сложностью в отграничении мошенничества от растраты и присвоений, сопряженных с сокрытием недостачи путем внесения ложных сведений в документы путем соответствующего разъяснения Верховного Суда РФ.

Глава 3 Насильственные формы хищения

3.1 Разбой

К насильственным формам хищения относятся: разбой (ст. 162 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ) и грабеж, соединенный с насилием (п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ).

Разбой является одной из форм хищения. Уголовно-правовая характеристика данного преступления предусматривает описание этого преступления с помощью признаков состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны.

Однозначно в науке признается сложность объекта разбоя, которая заключается в том, что объектом преступных посягательств при совершении разбойного нападения обязательно являются личность и собственность. Данное положение следует из диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Таким образом, здоровье человека и собственность являются непосредственным объектом разбоя. Следует заметить, что состав разбоя не охватывает причинение смерти человеку в ходе разбойного нападения. В данном случае действия квалифицируются, помимо ст. 162 УК РФ, еще или ч. 4 ст. 111 или ст. 109 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Объективная сторона разбоя заключается в нападении с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения. Именно нападение является центральным признаком разбоя, понятие которого однако не имеет однозначного доктринального определения.

К примеру, А.И. Рарог нападение определяет, как «либо скрытое неожиданное агрессивное-насильственное воздействие на собственника, иного владельца имущества либо на другое лицо» [82, с. 472].

Л.А. Владимиров считает, что сущность нападения состоит не в насилии, а в угрозах применения насилия [23, с. 111-112]

А.И. Бойцов определяет нападение с грамматической точки зрения, образованное от глагола «напасть», означающее внезапно броситься на кого-либо с целью нанесения ущерба, произвести насилие, с другими враждебными целями [18, с. 460]. При этом А.И. Бойцов обращает внимание на то, что нападение и насилие не являются тождественными понятиями, но в тоже время слово «нападение» в диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ необходимо заменить на «применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения такого насилия» [18, с. 460-468].

В п.п. 21-23 Постановления № 29 не разъяснено понятие «нападение». Из его смыслового использования в данном постановлении следует, что нападение используется в значении насилия. Такая позиция отождествления нападения и насилия достаточно прочно укрепились в действующей практике. К примеру, по мнению суда, ответственность за разбойное нападение наступает, если виновный с целью хищения чужого имущества умышленно применил в отношении потерпевшего насилие, опасное для жизни и здоровья. Именно насилие является средством завладения имуществом [71].

Соглашаясь с учеными, которые отрицают отождествление нападения и насилия, в то же время следует обратить внимание на следующее.

В случае, когда в отношении потерпевшего применяется не само насилие, а угроза его применения, то в таких случаях, объективно нападение отсутствует и преступление считается совершенным посредством применения угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. В связи с чем, П.С. Яни делает вывод о том, что в таком случае речь следует вести о покушении на разбой [115, с. 48].

К примеру, можно рассмотреть такой случай из судебной практики.

П.А.В. 13.11.2017 года прошел к офису «БыстроДеньги», натянул на лицо маску черного цвета, достал из кармана раскладной нож, убедился, что в помещении кроме девушки-сотрудника, никого нет, зашел в помещения офиса «БыстроДеньги» и сразу же подошел к девушке, при этом держал нож в руке. Когда девушка его увидела, она сразу произнесла: «я все поняла», потом села

на стул и открыла железный ящик, который был расположен в столе. Он подошел к ящику, взял деньги из ящика, после этого сказал девушке спасибо и выбежал из помещения офиса «БыстроДеньги». Действия П.А.В. были квалифицированы как разбой, совершенный с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия [74].

Как можно заметить, в данном случае нападения в его грамматическом значении в отношении потерпевшей совершено не было, а была лишь применена угроза такого нападения, т.е. угроза применения насилия. Однако действия осужденного были квалифицированы как оконченный состав разбой по ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Обязательными признаками нападения называют активность, неожиданность, внезапность соответствующего воздействия.

Опасным признается насилие, причинившее тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью. Насилие, которым причинены побои или физическая боль – является неопасным (п. 21 Постановления № 29).

Так, суд болевое силовое воздействие на жизненно важные органы квалифицировал как применение опасного для жизни и здоровью потерпевшего насилия [59]. Данное положение вытекает из разъяснения, изложенного в п. 21 Постановления № 29, согласно которому «как разбой квалифицируется нападение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья».

Например, в подтверждение реальности своих угроз М.В.Н. продолжил, удерживая Потерпевшую № 2, демонстрировать и направлять ей в лицо нож, который использовал в качестве оружия, и тем самым совершил в отношении нее угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья. Действия М.В.Н. в сложившейся обстановке Потерпевшая № 2 восприняла как реальную угрозу для своей жизни и здоровья, и опасаясь ее осуществления и

дальнейшего насилия со стороны ФИО2 подчинилась его незаконным требованиям, и передала ему принадлежащие ей денежные средства в сумме 700 рублей, которые последний открыто похитил. Затем М.В.Н., продолжая свои преступные действия и осознавая, что воля Потерпевший №2 сопротивлению подавлена, в ее присутствии вырвал из панели приборов указанного автомобиля и открыто похитил принадлежащий последней планшетный компьютер. После этого М.В.Н. скрылся с похищенным с места преступления, причинив тем самым своими умышленными преступными действиями Потерпевший № 2 материальный ущерб [77].

Угроза применения при разбое насилия, опасного для жизни или здоровья, может быть выражена посредством слов или действий.

Так, П. находился от потерпевшей на некотором расстоянии, тактильно с потерпевшей не контактировал, нож к телу потерпевшей не приставлял и не направлял, каких-либо выпадов, тычков, замахований в адрес А.Е. не совершал, то есть не предпринимал никаких попыток нанести имевшимся при себе ножом телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья потерпевшей. Демонстрация ножа подсудимым не была сопряжена с высказыванием словесных угроз в адрес потерпевшей или с попыткой нанесения ей телесного повреждения. С учетом изложенного, суд пришел к убеждению, что наличие ножа в руке П. в момент нападения, было воспринято потерпевшей в качестве угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Указанная угроза, выразившаяся в демонстрации ножа, находящегося в руке подсудимого, была реально воспринята потерпевшей с учетом времени совершения преступления, внезапности нападения, и отсутствия на месте происшествия иных лиц. Создание подобной ситуации охватывалась умыслом подсудимого и достигла своей цели, поскольку потерпевшая А.Е. поспешила открыть ящик с денежными средствами, у уже после этого П. похитил денежные средства.

С учетом, установленных в ходе судебного следствия фактических обстоятельств содеянного, действия П. суд квалифицировал по ст. 162 ч. 1 УК

РФ [74]. В то время, как в данном случае объектно нападения не было совершено и, следовательно, если согласиться с изложенной выше позицией П.С. Яни, то действия П. правильнее было бы квалифицировать как покушение на разбой.

Доктриной уголовного права признается, что преступное насилие в принципе может выражаться в двух формах: физическое насилие и психическое насилие.

Разбой, который совершается посредством применения психического насилия, считается оконченным с момента произнесения угрозы в присутствии потерпевших и (или) других лиц.

Момент окончания разбоя определен в п. 6 Постановления № 29 моментом применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия.

Однако в доктрине мнения ученых разделились. К примеру, В.А. Владимиров считает правильным момент окончания разбоя признать момент причинения ущерба личности физическим насилием [23, с. 111]. Однако, если согласиться с данной точкой зрения, то за пределами правовой оценки остается факт угрозы при разбое, то есть психическое насилие.

В связи с изложенным, говорить о покушении при разбое в настоящей редакции ст. 162 УК РФ невозможно.

Таким образом, непосредственным объектом разбойного нападения являются личность и собственность. Разбой считается оконченным с момента применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия.

Нападение и насилие не являются тождественными понятиями, но в тоже время слово «нападение» в диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ необходимо заменить на «применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения такого насилия».

К признакам субъективной стороны разбоя относятся: прямой умысел; корыстная цель изъятия чужого имущества [25, с. 407]. Однако следует

заметить, что в составе разбоя указывается не на корыстную цель совершения преступления, а на цель хищения при нападении. Представляется, что здесь указание на цель относится не столько к субъективной стороне состава преступления, сколько описывает - не совсем удачно терминологически - обстановку совершения преступления, т.е. направленность нападения на последующее хищение чужого имущества, а не на что-либо иное. Точнее, наверное, было бы определять разбой как «нападение для последующего хищения» или каким-то иным, схожим образом, избегая указания на цель совершения преступления. Соответственно, субъективная сторона данного состава преступления характеризуется, как и все иные формы хищения, прямым умыслом и корыстной целью.

Разбой можно было бы рассматривать как преступление с двумя целями: ближайшей - хищения чужого имущества и отдаленной, вытекающей из первой, - корыстной целью. Однако такой подход, во-первых, усложняет строение состава преступления и, во-вторых, связан с необходимостью уточнения того, какую форму хищения преследует совершение нападения (кражи, грабежа). Наконец, самый интуитивно понятный вариант прочтения ст. 162 УК РФ - это приравнять цель хищения к корыстной цели [52, с. 214].

Субъект разбоя – общий, им является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

На практике возникают трудности при отграничении разбоя от некоторых смежных состава преступлений.

В судебно-следственной практике уже давно возник вопрос об отграничении бандитизма от разбойного нападения, совершаемого организованной группой с применением оружия.

Сложность состоит в том, что и бандитизм, и указанный вид разбоя обладают некоторыми сходными признаками. Это нападение на граждан или организации, связанное с применением насилия или угрозой его применения. Банда и вооруженная организованная группа, совершающая разбой, обладают устойчивостью и предварительной объединенностью для совершения

преступлений. Сходство еще и в вооруженности как банды, так и организованной группы, совершающей разбой.

Представляется, что разбой, совершенный организованной группой, вооруженное нападение должно квалифицироваться лишь тогда, когда установлено, что организованная группа была создана и действовала не с целью совершения нападений на предприятия, учреждения, организации или на граждан, а для совершения иных преступлений, т.е. когда организованная группа не была бандой и разбой был лишь одним из эпизодов в ее деятельности [110, с. 43].

Отграничение разбоя от вымогательства и грабежа будут рассмотрены в следующих частях настоящей выпускной квалификационной работы.

3.2 Вымогательство

Ответственность за вымогательство предусмотрена ст. 163 УК РФ.

Относительно является ли вымогательство формой хищения или корыстным преступлением против собственности существуют две противоположные точки зрения. Так, по мнению одних вымогательство – это хищение [20, с. 27; 57, с. 157-161], а другие с этим не согласны, считая вымогательство самостоятельным преступлением корыстной направленности [25, с. 424; 18, с. 683-725; 38, с. 42-45].

А.И. Бойцов, обосновывая свое мнение относительно того, что вымогательство не является формой хищения, ссылается на законодателя, который в некоторых статьях УК РФ (см., например, статьи 221, 226, 229 УК РФ) использует формулировку «хищение либо вымогательство» [18, с. 686].

Разобраться с данным вопросом поможет анализ состава данного преступления в сравнении с соответствующими признаками хищений.

Прежде всего, следует отметить, что видовой и непосредственный объект вымогательства и хищений совпадают. При этом, вымогательство содержит два непосредственных объекта, первым из которых, как во всех

хищениях, являются отношения собственности. Однако при вымогательстве вред может быть причинен не только отношениям собственности, но и другим благам, находящимся под уголовно-правовой охраной. Речь идет о жизни и здоровье человека, его телесной неприкосновенности, чести и достоинстве [25, с. 427].

С.А. Ступина считает, «при вымогательстве может быть причинен вред и иным вещным правам, например, праву хозяйственного ведения и праву оперативного управления» [97, с. 114].

Вымогательство имеет более широкий круг предметов преступного посягательства, которым помимо чужого имущества, может быть и право на это имущество (как и в случае мошенничества), а также действия имущественного характера. Следует заметить, что предмет вымогательства понимается более расширительно в сравнении с мошенничеством [111, с. 119].

Последнее, т.е. «действия имущественного характера» не могут являться предметом других форм хищения, т.к. не охватываются категорией «чужое имущество». Содержание таких действий раскрыто в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – Постановление № 56) [64], согласно которому, «к другим действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств)».

Как можно заметить, предмет вымогательства «весьма широк и вбирает в себя (как и предмет взяточничества) любую выгоду имущественного характера» [16, с. 7].

Ю.А. Никитин обращает внимание на то, что при вымогательстве на потерпевшего оказывается воздействие. И в зависимости от цели такого

воздействия речь может идти либо о хищении, либо о другом корыстном преступном посягательстве. Так, если цель воздействия на потерпевшего - завладение чужим имуществом, то вымогательство имеет ряд схожих признаков с грабежом разбоем, при которых в случае применения насилия (или угрозы его применения) на потерпевшего также оказывается воздействие с той же целью [22, с. 41]. Если же цель воздействия связана с получением права на имущество или совершения действий имущественного характера, то это иное корыстное посягательство на собственность [57, с. 159-160].

Исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ, объективная сторона вымогательства складывается из двух самостоятельных действий:

- требования передачи чужого имущества, права на имущество, совершения иных действий имущественного характера;
- угрозы причинения любого физического вреда, имущественного вреда, распространения позорящих и иных сведений, указанных в законе.

Как можно заметить, в отличие от хищения, которые предполагают захват имущества, при вымогательстве имеет место быть его передача в пользу виновного самим потерпевшим. Здесь можно увидеть схожесть вымогательства и мошенничества. Однако при мошенничестве способ передачи имущества связан с обманом или злоупотреблением доверия, тогда как при вымогательстве – это требование. Как справедливо замечает А.И. Бойцов, при вымогательстве обман уступает место насилию [18, с. 687]. «Следовательно, – резюмирует А.И. Бойцов, – принципиальная разница между мошенничеством и вымогательством заключается лишь в том, что в условиях обмана потерпевший уступает имущество, ошибочно полагая существование у виновного права на него, а в случаях принуждения он делает эту уступку, сознавая отсутствие права виновного, но будучи вынужденным к тому физическим или психическим насилием, стесняющим его свободу» [18, с. 687].

Именно требование при вымогательстве является первоначальной фазой противоправного изъятия чужого имущества или права на него, а также иных действий имущественного характера, что в своей совокупности направлено на завладение чужим имуществом [22, с. 41].

Вымогательские требования могут быть выражены в любой форме – устно или письменно, могут иметь целью единовременное или систематическое (периодичное) получение чужого имущества. Сложность вызывает квалификация неоднократных имущественных требований вымогателя. Поскольку окончением данное преступление считается с момента предъявления требования, подкрепленного соответствующей угрозой, то неоднократные высказывания имущественных требований квалифицируются как совокупность двух и более преступлений, предусмотренных ст. 163 УК РФ [36].

Из сказанного следует сделать вывод о том, что так же как и при разбое момент окончания преступления, в отличие от кражи и других форм хищений, переносится на более раннюю стадию, а не с момента реального завладения имуществом. Связано это с тем, что цель вымогательства, как и разбоя состоит не в «требовании» или «нападении», а в завладении чужим имуществом.

Так же как и разбой, состав вымогательства формальный, т.е. не требуется для признания преступления окончением самого изъятия как такового. Иными словами, по моменту окончания вымогательство сходно с такой формой хищения как разбой.

Следует обратить внимание на определенные трудности при квалификации вымогательства при оценке вымогательской угрозы. В ситуации, когда лицо прибегает к насилию для того, чтобы немедленно завладеть имуществом, изменив свои же собственные планы по получению этого имущества в дальнейшем, видится перерастание вымогательства в грабеж или разбой [46, с. 373]. Такая квалификация вызывает возражения, и вот почему. Если насилие было применено после того, как было озвучено требование передать чужое имущество, подкрепленное угрозой, и лицо

завладело имуществом тоже после этого, то следует констатировать наличие оконченного вымогательства и отдельно – наличие состава причинения вреда здоровью. Перерастание вымогательства в грабеж или разбой невозможно, поскольку первое преступление уже было окончено. Факт изменения планов и изъятия имущества ничего не меняет. Дело обстоит иначе, если вымогатель отбирает не то имущество, которое требовал ранее, а другое. Это единственная из рассмотренных ситуаций, когда содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений – вымогательства и еще одного посягательства на собственность – грабежа или разбоя.

Другим обязательным признаком состава вымогательства, как и хищения, является безвозмездность завладения имуществом или получения имущественной выгоды за счет совершения действий имущественного характера.

Как отмечалось выше, конечной целью вымогательства в рассматриваемом аспекте является получение виновным фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным – это обстоятельство указывает на совпадение корыстной цели вымогательства и других форм хищений.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что вымогательство является одной из самостоятельных и равноправных форм хищений.

3.3 Грабеж, соединенный с насилием

Ответственность за грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия предусмотрена п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Квалификация насилия, не опасного для жизни или здоровья, как способа совершения квалифицированного грабежа, зависит от определенных условий. Согласно п. 21 Постановления № 29 под насилием, не опасным для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), следует понимать побои или

совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы.

Насилие применяется в отношении собственника имущества или иного его владельца, а также в отношении лиц, препятствующих завладению данным имуществом и, по мнению виновного, могут воспрепятствовать хищению. Поэтому, если насилие применено к имуществу, то состав насильственного грабежа отсутствует [70].

Судебная практика руководствуется правилом – насилие должно быть применено во время или после совершения хищения. При этом необходимо также доказать тот факт, у виновного был умысел на открытое хищение чужого имущества и подтверждена непосредственная связь его с применением не опасного для жизни или здоровья насилия.

При квалификации насильственного грабежа на практике возникают сложности, связанные с отграничением грабежа от смежных составов преступлений, так и внутри самого состава.

Так, одним из спорных моментов, вызывающих трудности при квалификации грабежа на практике является такой способ открытого хищения, как рывок [112, с. 23-26]. Несмотря на достаточную распространенность данного способа совершения хищения чужого имущества, ни в УК РФ, ни в Постановлении № 29 нет понятия рывка [109, с. 48].

По большей части ученые предлагают различать рывок и физическое насилие [43, с. 126; 86, с. 156], объясняя это тем, что при рывке у виновного отсутствует умысел на применение насилия, а его физические усилия направлены на похищаемое имущество. Однако в уголовно-правовой науке можно встретить мнение ученых, которые отождествляют рывок с физическим насилием [106, с. 133].

В связи со сказанным интересен следующий пример из судебной практики.

Так, Гурин В.В. имея умысел на открытое хищение чужого имущества решил похитить золотые украшения с шеи ФИО2 с этой целью приблизился сзади к потерпевшей и нанес ей один удар кулаком правой руки в область спины, таким образом, применил насилие, не опасное для жизни и здоровья. ФИО2, от полученного удара со стороны Гурина В.В. испытала сильную физическую боль. Далее, Гурин В.В. продолжая действовать целенаправленно, согласно умыслу, путем рывка, попытался открыто похитить с шеи ФИО2, принадлежащую последней золотую цепочку, однако с первого рывка у Гурина В.В. попытка не удалась, так как золотая цепочка оказалась достаточно крепкой. Гурин В.В. желая довести задуманное до конца, с силой повторил попытку, и путем рывка, открыто похитил с шеи ФИО2 золотую цепочку, при этом совершая вышеуказанные действия Гурин В.В. рукой вырвал клочок волос у ФИО2, причинил ей физическую боль и применил, таким образом, насилие не опасное для жизни и здоровья. После чего, Гурин В.В., желая сохранить похищенное имущество при себе, и беспрепятственно скрыться с места преступления, пытаясь оттолкнуть ФИО2 от себя, нанес один удар правой рукой в область шеи последней, таким образом, применил насилие не опасное для жизни и здоровья. С похищенным имуществом Гурин В.В. с места происшествия скрылся, распорядился похищенным по своему усмотрению. Действия виновного были квалифицированы судом по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т.е. как открытое хищение чужого имущества, совершенный с применением насилия не опасного для жизни и здоровья [73].

Как можно заметить из данного примера, Гурин В.В. вначале применил насилие не опасное для жизни и здоровья потерпевшей, а затем уже совершил рывок. В данном случае, рывок следовал после применения насилия и остался за рамками насилия в связи с чем справедливо утверждение о том, что умысел виновного и характер насилия могут свидетельствовать о разбое.

Далее в рассматриваемом деле, суд указал на то, в результате рывка у потерпевшей был вырван клочок волос, чем ей была причинена физическая боль, Иными словами, посредством рывка к потерпевшей было применено насилие

не опасное для жизни и здоровья. Кроме того, желая сохранить похищенное имущество при себе, т.е. с целью его удержания Гурин В.В. попытаться оттолкнуть потерпевшую, нанес один удар правой рукой в область шеи последней, таким образом, применил насилие не опасное для жизни и здоровья.

Таким образом, в данном деле рывок был расценен судом как способ применения насилия не опасного для жизни и здоровья. Однако, скорее всего, следующие обстоятельства дела, позволили суду квалифицировать данный эпизод по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Однако рывок был направлен не на потерпевшую, а на похищаемое имущество. Соответственно, рывок и насилие следует различать.

На практике возникают сложности при разграничении насильственного грабежа с вымогательством.

Так, из материалов дела следовало, что осужденные Мусаев А.К.О., Копытин Е.П., Краснов Д.В. Киселев И.И. и Шестаков В.А., вступив в предварительный сговор на вымогательство денежных средств у ФИО1, под угрозой размещения в сети Интернет либо сообщения в полицию о его незаконных действиях в части распространения наркотических средств потребовали у него 100000 рублей.

Испугавшись угроз осужденных, а также примененного к нему насилия, ФИО1 сказал о наличии у него денег в сумме 6000 рублей, Копытин Е.П. взял у потерпевшего из кошелька 6000 рублей, затем, когда все прибыли в квартиру ФИО1, тот выдал им 8000 рублей, после чего занял у своего знакомого ФИО4 деньги в сумме 28000 рублей, которые тот перевел на банковскую карту потерпевшему, а он вместе с осужденными снял в банкомате указанную сумму и передал им. Однако и после завладения указанными денежными средствами осужденные продолжали требовать у ФИО1 передачи им 100000 рублей, для чего Копытин Е.П. взял у потерпевшего банковскую карту, куда велел тому перевести требуемую сумму.

Указанные действия осужденных квалифицированы были одним составом 163 ч. 2 п.п. «а», «в» УК РФ. Однако такая квалификация указанных действий, по мнению судебной коллегии, является ошибочной.

В соответствии с п.10 Постановления № 56 в случаях, когда вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должно дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой.

Исходя из этого, когда достоверно установлено, что осужденные Мусаев А.К.О., Копытин Е.П., Краснов Д.В., Киселев И.И., Шестаков В.А. при совершении вымогательства 100000 рублей непосредственно изъяли и завладели имуществом потерпевшего, то их действия по преступному завладению денежными суммами 6000 рублей, 8000 рублей и 28000 рублей подлежат квалификации по ст. 161 ч.2 п.п. «а», «г» УК РФ, как открытое хищение чужого имущества по предварительному сговору группой лиц, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, по которой судебная коллегия назначила наказание с учетом фактической роли каждого осужденного и наличия смягчающих обстоятельств [10].

Больше всего сложностей возникает с отграничением насильственного грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) от разбоя (ст. 162 УК РФ). Разграничение указанных составов может производиться только по интенсивности насилия, применяемого в одном и другом случаях и содержанию угроз. Иными словами, если в процессе хищения чужого имущества потерпевшему был причинен тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью, то действия квалифицируются как разбой.

Сложности наступают, когда соответствующие последствия не наступили или имела место угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья. В Постановлении № 29 в абз. 3 п. 21 данный вопрос решен таким образом, что преступные действия квалифицируются по ст. 162 УК РФ, если в момент применения насилия оно создавало реальную опасность для жизни или

здоровья потерпевшего. Однако в случае отсутствия указанных последствий решение вопроса о том, создавало ли насилие «реальную опасность» причинения вреда здоровью, имеет оценочный, субъективный характер [115, с. 45-50].

Так, Самарский областной суд переквалифицировал действия виновного с ч. 2 ст. 162 УК РФ на п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как признал, что удары кулаками по голове потерпевшего не повлекли причинение вреда здоровью и не создавали реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего в момент применения насилия [5].

Вместе с тем вывод об отсутствии насилия, опасного для здоровья, основанный исключительно на том, что распыленный газ не является сильнодействующим и ядовитым веществом, а относится к веществам раздражающего действия, представляется ошибочным [1, с. 17].

В другом случае нельзя признать правильной юридическую оценку преступления, совершенного осужденными Мусаевым А.К.О, Красновым Д.В., Опариным И.Ю., Киселевым И.И. и Копытиным Е.П., по разбойному нападению на потерпевшего ФИО2 в части завладения денежными средствами.

Судом было установлено, что осужденные ворвались в квартиру потерпевшего со словами «Где деньги, где дурь», стали обыскивать квартиру, снимали картины, лазали по шкафам, избивали ФИО2 как в подъезде, так и в квартире, на балконе, причем на балконе потерпевшему наносили удары Мусаев А.К.О и Копытин Е.П., а в комнате Копытин Е.П. ударил ФИО2 кулаком в область губы, что, согласно заключению эксперта, причинило ему легкий вред здоровью. После избиения и фиксации на камеру признания потерпевшего в распространении им наркотических средств, осужденные вместе с потерпевшим стали уходить, Копытин Е.П. при этом взял с собой пакет с деньгами в сумме 9300 рублей и сказал, чтобы готовили 200000 рублей для освобождения ФИО2, которого похитили и удерживали на даче до освобождения его сотрудниками полиции.

Фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что осужденные группой лиц по предварительному сговору незаконно проникли в жилище потерпевшего ФИО2 с целью завладения его имуществом, требуя выдать «деньги и дурь», нанося ему удары еще в подъезде, затем с корыстной целью избивали в квартире, после чего завладели денежной суммой.

Судебная коллегия полагает, что такие действия осужденных Мусаева А.К.О., Краснова Д.В., Киселева И.И., Опарина И.Ю., обусловленные предварительным сговором на открытое хищение чужим имуществом, принадлежащего ФИО2, с незаконным проникновением в жилище и с применением насилия, не опасного для его жизни и здоровья, подлежат квалификации по ст. 161 ч. 2 п.п. «а», «в», «г» УК РФ, по которой следует назначить наказание с учетом роли каждого осужденного и наличия смягчающих обстоятельств.

Применение насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, которому причинен легкий вред его здоровью, по мнению судебной коллегии, не охватывалось умыслом осужденных Мусаева А.К.О., Краснова Д.В., Опарина И.Ю., Киселева И.И.

Исследованные судом доказательства, характер причиненных повреждений, свидетельствуют о том, что в сговор с Копытиным Е.П. на применение такого насилия, осужденные не вступали.

Легкий вред здоровью потерпевшего причинен осужденным Копытиным Е.П., который нанес потерпевшему удар в область губы.

Исходя из п. 21 Постановления № 29 судебная коллегия пришла к выводу о том, что в действиях Копытина Е.П. содержится эксцесс исполнителя, содеянное им подлежит квалификации по ст. 162 ч.3 УК РФ, т.е. совершение разбойного нападения с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Квалифицирующий признак «совершение разбойного нападения по предварительному сговору группой лиц» подлежит исключению [10].

Правовую неопределенность в отграничении грабежей и разбоев вносит и абз. 6 п. 21 Постановления № 29 [105, с. 38]. Данную проблему можно решить посредством изменения конструкции составов грабежа и разбоя, исключив из ч. 2 ст. 161 УК РФ п. «г», включив этот квалифицирующий признак в ст. 162 УК РФ, с разграничением статьи на части в зависимости в том числе от степени опасности насилия.

Проведенный в третьей главе выпускной квалификационной работы анализ насильственных форм хищения, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, непосредственным объектом разбоя являются личность и собственность. Разбой считается оконченным с момента применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы его применения. Нападение и насилие не являются тождественными понятиями, но в тоже время слово «нападение» в диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ необходимо заменить на «применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения такого насилия».

Во-вторых, Видовой и непосредственный объект вымогательства и хищений совпадают. Однако при вымогательстве вред может быть причинен не только отношениям собственности, но и другим благам, находящимся под уголовно-правовой охраной. Вымогательство имеет более широкий круг предметов преступного посягательства, которым помимо чужого имущества, может быть и право на это имущество, а также действия имущественного характера. В отличие от хищения, которые предполагают захват имущества, при вымогательстве имеет место быть его передача в пользу виновного самим потерпевшим. Здесь можно увидеть схожесть вымогательства и мошенничества. Так же как и при разбое момент окончания вымогательства в отличие от кражи и других форм хищений, переносится на более раннюю стадию, а не с момента реального завладения имуществом. Таким образом, вымогательство является одной из самостоятельных и равноправных форм хищений.

В-третьих, квалификация насилия, не опасного для жизни или здоровья, как способа совершения квалифицированного грабежа, зависит от определенных условий. Если насилие применено к имуществу, то насильственный грабеж отсутствует. Больше всего сложностей возникает с отграничением насильственного грабежа от разбоя, разграничение которых может производиться только по интенсивности насилия, применяемого в одном и другом случаях и содержанию угроз.

Правовую неопределенность в отграничении грабежей и разбоев вносит и абз. 6 п. 21 Постановления № 29.

Данную проблему можно решить посредством изменения конструкции составов грабежа и разбоя, исключив из ч. 2 ст. 161 УК РФ п. «г», включив этот квалифицирующий признак в ст. 162 УК РФ, с разграничением статьи на части в зависимости в том числе от степени опасности насилия.

Заключение

В заключительной части настоящей выпускной квалификационной работы, необходимо подвести итоги проведенному исследованию.

В первой главе были рассмотрены, понятие, сущность, признаки и общесоциальные меры предупреждения хищений.

Автор настоящей выпускной квалификационной работы придерживается той позиции, что легальное определение хищения имеет как теоретическое, так и практическое значение, способствует отграничению хищений от других преступных посягательств на собственность и является необходимой основой для правильной квалификации этих посягательств.

Все хищения характеризуются рядом общих субъективных и объективных признаков. Имущество как предмет хищения характеризуется такими признаками, как физическая, экономическая и юридическая сторона. При этом, имущество, являющееся предметом хищений, является тем обстоятельством, которое определяет степень вредоносности конкретного преступления. Все это является основанием для дифференциации хищений на отдельные виды в зависимости от ценности похищенного имущества.

Родовым объектом хищений являются общественные отношения в сфере экономики. Непосредственный объект посягательства – это общественные отношения собственности. Не может являться объектом посягательства право собственности, так как ни при каких обстоятельствах данное право не может перейти к похитителю.

Объективная сторона хищения выражается в активных действиях по присвоению чужого имущества с целью получения выгоды. В зависимости от способа изъятия имущества, т.е. признака, характеризующего объективную сторону хищений, в науке уголовного права выделяют формы хищений.

Субъективная сторона хищений характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Субъект хищения – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. При этом,

для кражи, грабежа и разбоя законодатель установил пониженный возраст уголовной ответственности, наступающий с 14 лет.

Предупреждение хищений в рамках общесоциального уровня заключается в мероприятиях социально-экономического, правового и духовно-нравственного характера. Общесоциальное предупреждение направлено на укрепление и развитие антикриминогенного потенциала общества, нейтрализацию антиобщественных свойств личности у лиц с отклоняющимся поведением. Объектом общесоциального предупреждения хищений является социальная среда, содержащая детерминанты рассматриваемых видов преступлений, а субъект – органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, деятельность которых направлена на реализацию общесоциальных программ.

Вторая глава выпускной квалификационной работы была посвящена исследованию ненасильственных форм хищения, таких как, кража, грабеж без насилия, присвоение, растрата и мошенничество.

В процессе рассмотрение составов кражи грабежа без насилия было установлено, данные составы являются самостоятельными формами хищения, которые отличаются способом завладения чужим имуществом. При краже – это тайный, а при грабеже – открытый. При отграничения кражи от грабежа следует определить конкретный круг лиц, в присутствии которых действия виновного будут квалифицированы как кража.

При квалификации присвоения и растраты возникают сложности, связанные с отграничением от других форм хищения и иных смежных составов преступлений. Некоторые из вопросов, рассмотренных в данной части выпускной квалификационной работы нуждаются в уточнении и раскрытии в Постановлении № 48 с целью единообразного применения норм УК РФ и правильной квалификации действий виновного.

Использование обмана и злоупотребление доверием отличают мошенничество от других видов хищения. Несмотря на действующее Постановление № 48, некоторые вопросы, связанные с отграничением

мошенничества от смежных составов преступлений, остались без должного внимания. В частности, необходимо решить вопрос, связанный с сложностью в отграничении мошенничества от растрат и присвоений, сопряженных с сокрытием недостачи путем внесения ложных сведений в документы путем соответствующего разъяснения Верховного Суда РФ и указать, что само внесение ложных сведений в документы опосредованно относится к преступному изъятию материалов и является способом сокрытия преступления.

В третьей главе выпускной квалификационной работы был проведен анализ насильственных форм хищения, в частности – разбоя, вымогательства и насильственного грабежа.

При рассмотрении разбоя, было установлено, что непосредственным его объектом являются личность и собственность. Разбой считается оконченным с момента применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы его применения. Нападение и насилие не являются тождественными понятиями, но в тоже время слово «нападение» в диспозиции ч. 1 ст. 162 УК РФ необходимо заменить на «применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения такого насилия».

Составы хищений в главе 21 УК РФ, кроме прямого умысла в качестве обязательного субъективного признака предусматривают корыстную цель.

Однако в составе разбоя указывается не на корыстную цель совершения преступления, а на цель хищения при нападении.

Представляется, что здесь указание на цель относится не столько к субъективной стороне состава преступления, сколько описывает - не совсем удачно терминологически - обстановку совершения преступления, т.е. направленность нападения на последующее хищение чужого имущества, а не на что-либо иное.

Точнее было бы определять разбой как «нападение для последующего хищения» или каким-то иным, схожим образом, избегая указания на цель совершения преступления.

Соответственно, субъективная сторона данного состава преступления характеризуется, как и все иные формы хищения, прямым умыслом и корыстной целью. Альтернативно разбой можно было бы рассматривать как преступление с двумя целями: ближайшей - хищения чужого имущества и отдаленной, вытекающей из первой, - корыстной целью.

Однако такой подход, во-первых, усложняет строение состава преступления и, во-вторых, связан с необходимостью уточнения того, какую форму хищения преследует совершение нападения (кражи, грабежа). Наконец, самый интуитивно понятный вариант прочтения ст. 162 УК РФ - это приравнять цель хищения к корыстной цели.

При исследовании вымогательства основное внимание было уделено обоснованию того, что данный состав является самостоятельной формой хищения.

Действительно, видовой и непосредственный объект вымогательства и хищений совпадают. Однако при вымогательстве вред может быть причинен не только отношениям собственности, но и другим благам, находящимся под уголовно-правовой охраной.

Вымогательство имеет более широкий круг предметов преступного посягательства, которым помимо чужого имущества, может быть и право на это имущество, а также действия имущественного характера.

В отличие от хищения, которые предполагают захват имущества, при вымогательстве имеет место быть его передача в пользу виновного самим потерпевшим.

Здесь можно увидеть схожесть вымогательства и мошенничества.

Так же как и при разбое, момент окончания вымогательства в отличие от кражи и других форм хищений, переносится на более раннюю стадию, а не с момента реального завладения имуществом.

Таким образом, вымогательство является одной из самостоятельных и равноправных форм хищений.

Квалификация насилия, не опасного для жизни или здоровья, как способа совершения квалифицированного грабежа, зависит от определенных условий.

Если насилие применено к имуществу, то насильственный грабеж отсутствует.

Больше всего сложностей возникает с отграничением насильственного грабежа от разбоя, разграничение которых может производиться только по интенсивности насилия, применяемого в одном и другом случаях и содержанию угроз. Правовую неопределенность в отграничении грабежей и разбоев вносит и абз. 6 п. 21 Постановления № 29.

Данную проблему можно решить посредством изменения конструкции составов грабежа и разбоя, исключив из ч. 2 ст. 161 УК РФ п. «г», включив этот квалифицирующий признак в ст. 162 УК РФ, с разграничением статьи на части в зависимости, в том числе, от степени опасности насилия.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абубакиров Ф.М. Квалификации причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Российский следователь. 2016. № 13. С. 17-20.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.09.2014 г. № 5-АПУ14-43 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 09.07.2018 г. по делу № 10-10576/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
4. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 02.07.2014 г. № 22-3833/2014 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Апелляционное определение Самарского областного суда от 12.01.2018 по уголовному делу № 22-96/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru>. (дата обращения: 20.02.2020).
6. Апелляционное определение Самарского областного суда от 18.07.2018 по уголовному делу № 22-3922/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru>. (дата обращения: 20.01.2019).
7. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.09.2017 г. по делу № 22-6867/2017 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.07.2018 г. по делу № 22-4811/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 07.12.2017 г. по уголовному делу № 22-7471/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.02.2020 г.).
10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 07.12.2017 по уголовному делу № 22-

7471/2017 07.12.2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.02.2020).

11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 27.06.2019 г. по делу № 10-12186/2019 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

12. Артеменко Н. И. Категория «собственность» как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2011. № 9. С. 14-18.

13. Архипов А. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4 – 8.

14. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 27-29.

15. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара: Самарский ун-т, 2002. 240 с.

16. Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации вымогательства // Уголовное право. 2016. № 2. С. 7-10.

17. Бойцов А.И. Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 3. Глава 2 / Под ред. А.И. Коробеева. СПб. : ЮЦ Пресс, 2008. 566 с.

18. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.

19. Бондарь А.В., Старков О.В., Упоров И.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности. Сыктывкар, 2003. 270 с.

20. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 190 с.

21. Борисова О.В. Ответственность за хищение чужого имущества // СПС КонсультантПлюс. 2018.

22. Векленко В.В., Николаев К.Д. Отягчающие обстоятельства хищений. Омск, 2009. 120 с.

23. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. 270 с.
24. Галаганов А.А. Тайность как генеральный способ хищения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 28 (161). С. 35-38.
25. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО Центр ЮрИнфоР, 2003. 448 с.
26. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. К вопросу о понятии хищения // Уголовное право. 2014. № 6. С. 11-14.
27. Гладилин В.В. Временное позаимствование в уголовном праве: вопросы ответственности. М., 2006. 230 с.
28. Глушкова Е.М. Общесоциальный характер мер с профессиональной преступностью // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 6. С. 93-96.
29. Голикова А.В. Признаки хищения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации / Отв. ред. Б.Т. Разгильдиев. Саратов, 2002. 460 с.
30. Горобец К. В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции. Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 33 с.
31. Городенцев Г., Упоров И. Понятие присвоения и растраты вверенного имущества в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 4. С. 41-44.
32. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
33. Декрет ВЦИК от 20.06.1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

34. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999. 213 с.
35. Журавлева Г.В., Карпова Н.А. К вопросу о формах хищения по российскому уголовному праву // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 61-64.
36. Кассационное определение Омского областного суда от 09.12.2010 г. № 22-4627/10 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
37. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2019 г. № 35-УД19-5 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
38. Клейменов М.П., Дмитриев О.В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с вымогательством. Омск, 1995. С. 42-45.
39. Клепицкий И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 77-80.
40. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
41. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Профобразование, 2000. 540 с.
42. Краслянская Н.В. К вопросу об уголовно-правовой характеристике состава кражи // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2 (20). Санкт Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 32-36.
43. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М. : Юридическая литература, 1974. 470 с.
44. Криминология / Под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 677 с.
45. Кузнецов А.А. Присвоение и растрата, совершаемые с использованием своего служебного положения: Методические рекомендации. Омск : Омская академия МВД России, 2015. 74 с.

46. Курс российского уголовного права: (Особенная часть) / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. 722 с.
47. Курс советского уголовного права (часть Особенная). Т. 3 / Отв. ред Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1973. 680 с.
48. Курс советского уголовного права: В 6 т. М.: Наука, 1970. Т. 4. 480 с.
49. Леонтьева Ю.В., Овчинко О.А. О понятии и содержании общесоциальной профилактики корыстно-насильственной преступности // Научный компонент. 2019. № 1 (1). С. 50-56.
50. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики. М., 2006. 316 с.
51. Лопашенко Н.А. О понятии «экономическая преступность» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 31-36.
52. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 670 с.
53. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. 640 с.
54. Лукин В.К., Хуако Х.Ш. Правовая характеристика предмета преступления против собственности в виде грабежа // Естественно-гуманитарные исследования. 2015. № 10 (4). С. 61-65.
55. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 г. № 04-4) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
56. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. 726 с.
57. Никитин Ю.А. Вымогательство как форма хищения чужого имущества // В сборнике: Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Материалы

международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю В. Деришев. 2017. С. 157-161.

58. Новиков Е.Ф. О некоторых общесоциальных мерах предупреждения хищений на транспорте // В сборнике: Актуальные проблемы государственно-правового развития России Всероссийская научно-практическая конференция. Министерство образования и науки Российской Федерации; Забайкальский государственный университет. 2017. С. 113-117.

59. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2002 № 47-о02-8 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

60. Определение Верховного Суда РФ от 19.11.2012 г. № 87-Д12-4 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

61. Петров С. Корыстная цель в хищениях // Законность. 2017. № 9. С. 39 - 42.

62. Постановление Московского городского суда от 18.05.2018 г. № 4у-2367/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

63. Постановление Московского городского суда от 20.09.2019 г. № 4у-4437/2019 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // БВС РФ. 2016. № 2.

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // БВС РФ. 2003. № 2.

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // БВС РФ. 2017. № 2.

67. Постановление Президиума Амурского областного суда от 15.02.2016 г. № 44У-128/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

68. Постановление Президиума Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 25.04.2012 г. № 44У-14/2012 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

69. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 05.12.2018 г. № 126П18 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

70. Постановление Президиума Севастопольского городского суда от 18.07.2018 г. № 44у-28/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

71. Постановление Президиума Челябинского областного суда от 21.09.2016 № 44у-114/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

72. Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // Под общ. ред. проф. Х.Д. Аликперова и проф. Э.Ф. Побегайло. М., 2001. 846 с.

73. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 22.11.2017 г. по уголовному делу № 1-873/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://avtozavodsky.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.02.2020).

74. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 22.02.2017 по уголовному делу № 1-70/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://komsomolsky.sam.sudrf.ru.> (дата обращения: 15.02.2020).

75. Приговор Ставропольского районного суда Самарской области № 1-139/2017 от 01.12.2017 г. по делу № 1-139/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular.> (дата обращения: 20.02.2020 г.).

76. Приговор Хабаровского краевого суда от 28.10.2015 г. по делу № 2-52/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

77. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 06.07.2018 по уголовному делу № 1-350/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru.> (дата обращения: 15.02.2020).

78. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 05.03.2018 г. по уголовному делу № 1-78/2018 [Электронный

ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 05.02.2020).

79. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 17.08.2016 г. по уголовному делу № 1-312/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://centralny.sam.sudrf.ru> (дата обращения: 05.02.2020 г.).

80. Прокументов Л.М., Архипов А.В. К вопросу о разграничении присвоения и кражи // Уголовное право. 2016. № 5. С. 64-66.

81. Прохорова М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности // Российский следователь. 2012. № 19. С. 32-36.

82. Рарог А.И. Уголовное право России: части общая и особенная. М. : Проспект, 2017. 870 с.

83. Ратникова Н.Д. Предупреждение совершения корыстно-насильственных форм хищений // В сборнике: Социально-политические, правовые, духовно-нравственные проблемы российского села: История и современность материалы всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2019. С. 357-360.

84. Рожкова М. Новеллы Гражданского кодекса РФ: расширен ли круг объектов гражданских прав // Хозяйство и право. 2014. № 3. С. 6-7.

85. Розенко С.В., Мурзина К.А. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1-2 (44). С. 115-118.

86. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М. : Юристъ, 1997. 620 с.

87. Российское уголовное право: Учебник: В 2 т. / Под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 2. 846 с.

88. Рябов О. Б. Уголовное право: часть особенная. М. : Юрайт, 2016. 670 с.

89. Сверчков В.В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства и практики его применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1 (45). С. 107-112.
90. Севрюков А.П. Понятие вверенного имущества // Российский следователь. 2010. № 5. С. 16-22.
91. Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Экзамен, 2004. 352 с.
92. Состояние преступности в России за январь 2020 года. М., 2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.02.2020).
93. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М., 2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.02.2020).
94. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. М., 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.02.2020).
95. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. М., 2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.02.2020).
96. Степанов М.В. Вопросы квалификации ненасильственных форм хищения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 2. С. 244-248.
97. Ступина С.А. Особенности объекта состава вымогательства // Современное право. 2019. № 3. С. 114-118.
98. Ступина С.А., Пальчик М.В. Присвоение или растрата: отдельные вопросы квалификации // Современное право. 2018. № 6. С. 111-116.
99. Тихенко С.И. Борьбы с хищениями социалистической собственности, связанная с подлогом документов. Киев, 1959. 360 с.

100. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 1030 с.
101. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : Контракт: ИНФРА-М, 2011. 690 с.
102. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
103. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
104. Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
105. Фалилеев В.А. Проблемы квалификации грабежа и разбоя по признаку опасности насилия для жизни и здоровья // Законность. 2018. № 10. С. 38-40.
106. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. 220 с.
107. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901. 412 с.
108. Хабаров А.Б. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования. М.: Международные отношения, 2000. 360 с.
109. Хилjuta В.В. «Рывок»: проблемы квалификации ненасильственного хищения // Законность. 2013. № 10. С. 48-51.
110. Хилjuta В.В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. 2012. № 3. С. 43-46.
111. Хилjuta В.В. Пределы автономности уголовного права // Lex russica. 2019. № 4. С. 119-124.

112. Челябова З.М. Проблемы квалификации вымогательства, совершенного с применением насилия: практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1. С. 23-26.

113. Шевцов О.С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 126-129.

114. Энциклопедия уголовного права. Т. 18 Преступления против собственности. Издание профессора Малинина. СПб. : ГКА, СПб, 2011. 990 с.

115. Яни П. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9. С. 45-50.